Хрустальная удача

Автор:
Питер Марвел

Хрустальная удача

Питер Марвел

На пиратских широтах #3

Новые надежды заставляют Уильяма Харта, несмотря на исчезновение лучших друзей и главных врагов, продолжить поиски. На этот раз путь героев лежит в дебри Ориноко – туда, где было когда-то могущественное царство индейцев.

К чему приведут поиски Золотого Эльдорадо и хрустальных черепов майя – читайте в заключительной части трилогии.

Питер Марвел

Хрустальная удача

Иссякли радости мои, пустые, как мечты,

И прошлое блаженство не вернется.

Обманная любовь, ужель ушла и ты?

Так все проходит – горечь остается.

Знамения земли, восторги – прочь, долой!

Путем безвестным мне блуждать придется —

Покинут! Жизнь моя в руках фортуны злой.

Но все проходит – горечь остается.

Как на чужбине я, без спутников, один,

Стенаю от того, что смерть мне не дается.

Прошла моя весна, и лето позади.

Да, все проходит – горечь остается.

Но упредить спешу я зимний холод

И жребий свой поймать, не пав под его молот.

Сэр Уолтер Рэли Пер. Д. Болотиной

Глава 1

Все сначала

Я бороздил чужие океаны,

Чертил клинком событья по волнам,

Но боль незакрывающейся раны

Не лечат солью незнакомых стран.

Фрэнсис Кроуфорд

Побережье Новой Гвианы – Устье реки Ориноко

Предрассветная дымка быстро таяла над водой.

Перегнувшись через планшир, Уильям Харт тоскливо всматривался в незнакомый берег: что таит в себе эта земля? Принесет удачу или станет для них могилой? Мутное желтое пятно расплывалось в лазурных водах там, где впадала в Атлантический океан великая Ориноко.

В русле, раскинувшемся на несколько миль, река распадалась на множество притоков, заболоченных, заваленных стволами мертвых деревьев, забитых травой и водрослями, поросших тростником и кустарником.

– На мой взгляд, вход в ад для разнообразия может выглядеть и так, – капитан Ивлин угрюмо разглядывал в латунную подзорную трубу расстилающийся перед ними берег.

– Говорят, сэр, в аду жарко, – заметил Потрошитель и утер пот со лба концом грязной косынки, покрывающей его бритую голову.

– А тебе что, холодно? – Уильям взял трубу у Ивлина и в свою очередь уставился в нее с задумчивым видом.

– Нет, сэр. Не то чтобы холодно, но как-то сыровато. В аду, сэр, должно быть, сухо. Жарко, но сухо, – боцман проговорил это тоном, не терпящим возражений.

Ивлин хмыкнул.

– Как бы там ни было, но я полагаю, что здесь еще хуже, чем там. Вы читали записки сэра Рэли о Новой Гвиане?

Уильям выразительно глянул на него.

– Помилуйте, откуда у меня в Девоншире могли оказаться записки Рэли? Это по части Кроуфор… – Уильям вдруг замолчал, оборвав себя на полуслове, и снова

уставился в трубу.

– Так вот, сэр Рэли не раз писал, что… – как ни в чем не бывало продолжил Ивлин, не замечая возникшего кругом неловкого молчания.

Потрошитель кашлянул и оглядел свою изуродованную руку-клешню.

– В начале дела не вспоминают мертвых и неудачников, – он мрачно сплюнул за борт пережеванный табак и отошел от них.

– Право, сэр Ивлин, ведь Кроуфорд был ему как…

– Бандит и жулик ваш Кроуфорд! – обрубил капитан Ивлин и забрал у Харта свою трубу. – Только вот интересно, к какой категории отнес его Потрошитель: к мертвецам или к неудачникам?

– Я говорил про Рэли! – вдруг рявкнул за их спинами боцман и, покачиваясь на палубе, отошел от них на этот раз окончательно.

В ту же секунду раздался разъяренный свист боцманской дудки и топот босых ног на палубе: Потрошитель свистал всех наверх.

– М-да… Так вот: сэр Уолтер предупреждал об опасностях, таящихся в неизведанных землях Новой Гвианы, – с невозмутимым видом капитан извлек из широкого кармана камзола толстую книжицу в истертом кожаном переплете и раскрыл ее. «В июне, июле, августе и сентябре плавать по этим рекам невозможно, ибо такова стремительность течения и так много затоплено деревьев и бревен, что если лодка только приткнется к какому-нибудь дереву или колу, то невозможно будет спасти никого из сидящих в ней»[1 - Капитан Ивлин цитирует книгу Уолтера Рэли «Описание Гвианской империи».]…

– А про туземцев что-нибудь есть? И откуда у вас эта книга? – поинтересовался Уильям.

– А вот и про туземцев… – второй вопрос капитан в свойственной ему манере пропустил мимо ушей. «Гвианцы, а также индейцы из пограничных мест и все другие жители в этой стране, с которыми я встречался, – удивительные

пьяницы, и в этом пороке, я думаю, с ними не сравнится ни один народ»…

– Даже хуже, чем ирландцы?

Капитан бросил на Уильяма мрачный взгляд:

– Сказано хуже, значит хуже. Но я бы на вашем месте, молодой человек, заострил свое внимание на описании сокровищ, которые некий Мартинес собственными глазами созерцал в главном городе индейцев, называемом им в письме к сэру Роберту Дадли «Эль Дорадо», что в переводе с испанского означает «Позолоченный».

– Что вы имеете в виду, сэр Ивлин?

– Уж не те ли это сокровища, из-за которых весь сыр-бор разгорелся? С другой стороны, как-то слишком много сокровищ на один кусок земли. Тут тебе и Кортес, и майя, и Эльдорадо… а может, и вовсе нет этих сокровищ? – капитан Ивлин задумчиво посмотрел сквозь Харта.

Тот досадливо передернул плечами:

– Короче, капитан, что вы предлагаете?

– Я предлагаю вообще туда не соваться.

– Гениально! Восхитительно! Великолепно! Мы порем горячку, готовим экспедицию, продаем даже серебряные пуговицы с камзолов, чтобы закупить солонину и ячмень, и вот, когда мы буквально в двух шагах от сокровищ, вы советуете мне поставить паруса и плыть обратно на Тортугу? А вы помните, сколько мы должны любезно забывшему наши недоразумения губернатору? Я лучше подохну здесь, чем вернусь с пустыми руками. К тому же… – Харт не договорил. Конечно, главная причина крылась в прелестной девушке, жениться на которой без денег и тем более без пуговиц было решительно невозможно.

– Полундра, свистать всех наверх!

Истошный вопль вахтенного и повторный свист боцманской дудки вырвали Харта из оцепенения.

Воздух разорвался от яростного грохота канонады. Харт обернулся и увидел, как справа по борту одно за другим, поднимая тучу брызг, в воду шлепались дымящиеся пушечные ядра.

На всех парусах из утреннего тумана на них надвигался корабль, отрезая «Медузе» выход в море и прижимая ее к берегу. Невооруженным глазом было видно, как на грот-мачте развевается испанский флаг. Из носовых портов брига вырвались две вспышки, и уже через мгновение новые ядра упали в воду, обдав водяной пылью стоявших на баке матросов.

Харт повернулся к капитану Ивлину, но того как ветром сдуло. Он уже сыпал командами прямо со шканцев, страшно крича:

– Право руля! Паруса поднять, развернуть рею…

Скрипя снастями, флейт медленно, слишком медленно разворачивался левым бортом к берегу, пытаясь выбраться из ловушки. Если бриг прижмет их к устью Ориноко, конец: в мангровых зарослях двигаться некуда, даже на шлюпках.

– Орудия к бою, пли!

Кормовые пушки дали ответный залп, и корабль жалобно заскрипел, качаясь на волнах.

Пламя попеременно вырывалось то из одной, то из другой пушки брига, одно ядро с грохотом ударило в кормовую часть «Головы Медузы». Флейт тряхнуло от киля до клотика. В ответ с «Медузы» снова выстрелили. Пороховой дым облачками окутывал оба борта, кругом по палубе, грохоча башмаками, носились матросы, спасая корабль, а Уильям оглядывался, не понимая, что ему делать. Внезапно клешня Потрошителя впилась ему в плечо.

– Бегите в каюту и не высовывайтесь, ваше время еще не пришло, Харт! – крикнул боцман ему в самое ухо и оттолкнул прочь от планшира.

Стараясь не споткнуться о брошенные концы и не налететь на катающиеся по палубе бочки, придерживая шляпу, Харт рванул изо всех сил, но не в каюту, как советовал Потрошитель, а к капитану на шканцы.

– Боюсь, нам крышка! – проорал Ивлин, едва Харт взбежал по ступенькам. – Мы не успеем развернуться: ветер дует нам в задницу и течение тащит к берегу!

– Боцман, постарайтесь попасть в ватерлинию! Если повезет, мы утопим эту испанскую лохань: в этом наш единственный шанс! – капитан перевесился через борт, едва не падая.

Снасти трещали, реи не желали поворачиваться, и матросы, не жалея сил, травили канаты. Вокруг свистели и рвались ядра.

– Скажите спасибо, Харт, что они не стреляют картечью! Если начнут палить по матросам – хана!

Уильям сбежал вниз и ринулся на нижнюю палубу, где закопченые и злые как черти канониры подкатывали тяжелые пушки обратно к портам.

– Стреляйте в ватерлинию! – заорал он старшему канониру Бобу.

– Есть, сэр! Только наши пушки против них – тьфу!

– Тащите их к корме – будем стрелять из всех!

В это время корабль вздрогул всем корпусом, и Харт невольно втянул голову. Одно из ядер попало в фокмачту, и она с треском, увлекая за собой груду парусов, рухнула вниз, повиснув на канатах прямо над морем. Вокруг торчали обломки рей.

– Рубите мачту, свиньи, рубите мачту!

– Сэр, мы тонем!

– Молчать, идиоты! Сукины дети, все на левый борт, рубите канаты! Остальные к грот-рее, держите ее по ветру!

Харт, обливаясь потом, помогал тащить пушки к кормовым портам. Клубы дыма, окутавшие палубу, покрыли все вокруг, а едкая гарь, попадавшая при дыхании в горло, казалось, прожигала легкие насквозь, вызывая доходящие до рвоты приступы кашля. Но Харт, стиснув зубы и задыхаясь, упрямо волок пушку. Сейчас в ней виделся их первейший шанс на спасение!

Второй заключался в том, что у испанцев, видать, было плохо с меткостью: ядра свистели повсюду, но пока, кроме дыр в парусах и сломанной мачты, особых разрушений и жертв не было.

Наконец самая большая кулеврина была установлена.

Боб перекрестился и поднес факел.

Харт набрал воздуха в легкие и зажмурился, зажав уши…

– Ура!!! Мы спасены!

Уильям нагнулся и увидел, что чуть выше ватерлинии прямо в борту испанского брига зияет огромная пробоина, в которую хлещет вода.

Харт выдохнул и перекрестился, как давеча Боб.

«Голова Медузы», с трудом ловя ветер остатками парусов, медленно выправила курс и пошла вдоль берега.

– Норд-норд-ост! – орал охрипший капитан.

– Возвращаемся на Тортугу! – Харт хлопнул оглохшего, но счастливого Боба по спине и побежал наверх.

– Всем рому на обед! – первое, что услышал Харт, очутившись на верхней палубе. Глазам его предстала ужасная картина.

Палуба была завалена обломками мачты и тлеющими парусами. Окровавленные и закопченные пираты поливали палубу морской водой из кожаных ведер, туша искры. Стонали раненые, под ногами катались пустые пороховые бочонки, а прямо над ними в опустевшем небе кружилась огромная птица.

Они возвращались назад.

Выхватив у капитана поздорную трубу, Харт попытался разглядеть, что же происходит на борту у испанцев. Ветер уже сносил в сторону пороховой дым, которым были окутаны оба судна, и очертания неприятельского корабля проступали явственно.

На «Азалии», а это была она, царил хаос. Харту хватило одного взгляда, чтобы оценить весь ужас происходящего. Судно, накренясь на нос, стремительно погружалось в волны, а команда предпринимала отчаянные попытки спустить на воду шлюпки. Деревянная фигура, украшавшая нос корабля, была расколота до пояса, а одно из ядер со всей силы ударило в носовую каюту, разнеся ее в щепки.

Наконец испанцы принялись спускаться по боковым трапам в шлюпки. Те, кто посмелее, прыгали прямо в море. На борту, с ненавистью глядя в сторону удаляющегося флейта, замерла высокая фигура в черном, развевающемся на ветру плаще. Харт узнал профоса – виновника всех их несчастий – и яростно погрозил ему кулаком.

– Это проклятые иезуиты! – крикнул юноша Ивлину.

Тот вытащил изо рта едва раскуренную трубку и выпустил колечко дыма.

– Я так и знал, – сказал он, и на его обветренном красном лице мелькнула странная улыбка.

Глава 2

По горячим следам

Карибское море – Тортуга

«Человек предполагает, а Б-г располагает» – эта совершенно ненавистная уму и сердцу Давида Малатесты Абрабанеля простая истина почему-то преследовала его уже несколько дней. Как ни пытался коадьютор отвязаться от приставучей мысли, она настойчиво проникала в душу, липко обволакивала мозг, и старый банкир положительно не знал, как от нее избавиться.

С того самого момента, как голландцы покинули Эспаньолу, все, буквально все шло не так, как планировал Абрабанель. Прежде всего, против коадьютора обернулось его собственное желание наконец-то начать действовать отдельно от лягушатников и их заносчивого капитана. Но Франсуа де Ришери, которому общество Абрабанеля опостылело ничуть не меньше, чем он сам – ювелиру, по дороге к побережью предусмотрительно затеял с голландцами ссору, после чего с оставшимися у него людьми отправился к морю другим путем. По счастью для французов, этот путь оказался более коротким и Ришери удалось сняться с якоря раньше, чем спутники Абрабанеля достигли побережья. Таким образом, голландцы остались без корабля, а, зафрахтовывая другой, потеряли время и, что особенно болезненно сказалось на самочувствии коадьютора, деньги.

Вторая неприятность логически проистекала из первой. Судно, которое в конечном счете взялось доставить коадьютора и его людей на Тортугу, хотя и носило изящное имя «Глория», с виду больше походило на старое корыто и обладало небольшим водоизмещением. Поэтому, попав сразу после отплытия в пустяковый, в сущности, шторм, оно на какое-то время потеряло управление. А когда ветер утих, выяснилось, что посудину снесло на вест от предполагаемого курса, к Малым Антильским островам. Вдобавок ко всем прочим бедам во время бури сломалась грот-мачта. Все это вынудило команду вместо Тортуги пристать для начала к Арубе, чтобы подлатать утлую посудину.

Кратковременное пребывание на населенном козами и индейцами острове, где, кроме крошечного голландского гарнизона, не было ни одного белого человека, оказалось для всех крайне утомительным. А очередная проволочка и необходимость втридорога платить за воду и продовольствие привели Абрабанеля в крайне мрачное душевное настроение.

Он был настолько зол и подавлен всем случившимся начиная с неудачи в поиске сокровищ на Эспаньоле и до злополучного перехода в несколько миль, превратившегося в целую морскую экспедицию, что в первый момент почти не удивился, очутившись за бортом корабля в открытом море.

Впрочем, то, что с ним произошло, вообще не поддавалось никакому разумному объяснению.

Когда ювелир раздраженно мерил шагами грязную палубу в послеполуденный час, налетевший ветерок игриво сорвал с него шляпу. Абрабанель попытался поймать головной убор, ведь шляпа была почти новой, представляла материальную ценность, и бросился за ним в погоню.

Не успел он пробежать и пяти шагов, как неведомая сила заставила его остановиться и поднять голову. Поодаль, прислонившись спиной к фок-мачте, стояла и смотрела на него темноволосая женщина в белом платье, а злополучная шляпа лежала у самых ее ног.

– Мадам, позвольте! – удивленно вскричал коадьютор. – Кто вы и как здесь очутились?

Незнакомка улыбнулась ему и жестом поманила к себе.

Недоумевая и поражаясь поведению дамы, коадьютор торопливо засеменил к ней. В то же мгновение резкий порыв ветра повернул плохо закрепленную рею, канаты лопнули, и она, с размаху ударив коадьютора в живот, отбросила его на планшир. Гнилые доски проломились под телом грузного банкира, и несчастный искатель сокровищ полетел в воду.

Подняв фонтан брызг, он в сопровождении пузырей воздуха пошел на дно. Но, подчиняясь инстинкту самосохранения, он так энергично заработал руками и ногами, что не только не утонул, но даже довольно быстро вынырнул на поверхность.

Судорожно хватая воздух ртом, он попытался позвать незнакомую даму на помощь, но, даже щуря слезящиеся от соли глаза, не мог никого разглядеть на палубе. Женщина исчезла, и ни одна живая душа не видела, как он свалился за борт.

– Спасите, помогите! – жалобно крикнул Абрабанель, отплевываясь от воды. Но его крики ветром относило в сторону от судна и корабль стремительно уходил от него.

Бесплодные попытки привлечь к себе внимание людей на «Глории» навели коадьютора на мысль, что таким манером он всего лишь выбьется из сил, нахлебавшись воды. Природная расчетливость и здесь не подвела старого лиса. Он видел, что судно удаляется в сторону Тортуги, и мысли его заметались в поисках выхода. Как ему продержаться на воде подольше? Может быть, его исчезновение заметят и «Глория» возвратится за ним? О том, что его пропажу обнаружат, когда корабль будет уже далеко, и о том, что такое корыто практически не способно ходить против ветра, дувшего в противную сторону, он старался не думать.

Плавать ювелир толком не умел, но сообразил, что морская вода выталкивает его тучное тело на поверхность. Башмаки, парик, жилет и камзол пришлось снять, чтобы они не тянули его вниз.

Коадьютор расслабил члены и постарался как можно удобнее – насколько это слово вообще применимо к сложившейся ситуации – устроиться, лежа на воде. Хорошо еще, что треклятый ветер дул поверху, не поднимая волны.

В других условиях он давно бы принялся жаловаться на жизнь и возмущаться. Но сейчас, когда никто не слышал его, кроме разве что ангела Смерти Малох-Гавумеса, Абрабанеля охватило не раздражение, не страх смерти и даже не тоска. В момент, когда жизнь его висела на волоске, он сотрясался в бессильной ярости из-за того, что так глупо теряет драгоценное время. А еще ему было жалко карманных часов с эмалями. Но без ножа его резала мысль о том, что сокровища Уолтера Рэли могут теперь достаться другим! Если, конечно, его, Абрабанеля, не подберет вовремя какое-нибудь судно. И эти думы даже заглушали в нем досаду, вызванную привязчивой поговоркой «Человек предполагает, а Б-г располагает».

Он не знал, сколько прошло времени с момента падения за борт. Коадьютор пробовал сосчитать, за какой период «Глория» могла бы возвратиться, после того как кто-нибудь наконец заметит его пропажу, но быстро оставил это занятие. Расчетливый и сообразительный, он учел, что морские течения, ветер и волны перемещают его тело в неизвестном направлении даже тогда, когда сам

он не пытается плыть. Иногда ему казалось, что он носится по поверхности океана уже дни и месяцы, даже целую вечность, и тогда в банкире просыпалось что-то похожее на удивление, почему он до сих пор жив. Наконец, измученный бесплодными размышлениями и бессильной злобой, он начал впадать в забытье.

Чтобы сбросить с себя одурь, Абрабанель перевернулся на живот и, молотя руками и ногами по воде, огляделся. Ветер стих, солнце медленно склонялось к горизонту, теряясь в предзакатной дымке. Вдруг коадьютор заметил точку на горизонте. Точка росла, приближаясь.

У банкира словно открылось второе дыхание. Забыв, что он не умеет плавать, и загребая по?собачьи, Абрабанель устремился навстречу спасению. На его счастье, ему не приходило в голову, что на гладкой поверхности моря расстояние до видимого предмета куда как больше, чем представляется глазу. Толку от его водных процедур было немного, но поднимаемые им брызги привлекли внимание человека, управлявшего небольшой шлюпкой с косым парусом и парой весел. Это был рослый, крепкий, с огромной всклокоченной черной бородой и изуродованным шрамами лицом мужчина. Видно было, что в последнее время ему приходилось несладко: усталость проглядывала сквозь крепкий загар, руки, выглядывающие из порванных рукавов кафтана, были слишком худы для такого широкоплечего головореза, а где-то в глубине его глаз свила гнездо тоска.

Черный Пастор – а это был он – старательно греб, стремясь с Эспаньолы попасть на Тортугу, где он оставил свой фрегат «Месть» и часть команды. Остальные уже никогда не вернутся обратно, навсегда успокоившись на «чертовом острове» или взлетев на воздух вместе со взорванным Веселым Диком вторым судном Пастора – «Ласточкой».

Уцелел в этой передряге только Черный Билл, но ему пришлось пережить много такого, о чем и вспоминать неохота. Больше всего пират ругал себя за необдуманный поступок: впопыхах, ненароком он спас жизнь своему бывшему квартирмейстеру, вместо того чтобы предоставить душе Дика возможность прогуляться прямиком в ад! Досада грызла Билла изнутри не хуже, чем Абрабанеля – страх утерять навсегда сокровища.

Ничего не зная о прыжке Роджера Рэли в водопад, Пастор сгорал от желания поскорее разыскать бывшего приятеля и рассчитаться с ним за все. Но для этого ему нужен был корабль и команда. С оставшимися у него людьми управиться с

огромным судном было просто невозможно. Однако Билли искренне считал, что губернатор Тортуги – его должник и просто обязан помочь ему снарядить «Месть» наилучшим образом. К тому же пирата не оставляла мысль о сокровищах. Если Дик добрался до указанного на карте места, следовательно, золото уже у него! И не грех поделиться им со своим старым товарищем.

Одним словом, ничего не зная о драме, разыгравшейся на Эспаньоле, Черный Билли спешил на Тортугу за кораблем и командой. Фонтанчики брызг, поднимаемые коадьютором, заставили его повнимательнее вглядеться в морскую гладь. Он извлек из кармана подзорную трубу и приложил ее к глазу. Разглядев тонущего человека, пират, следуя неписаному закону всех моряков, развернул лодку. Ему потребовалось меньше часа, чтобы доплыть до Абрабанеля, который к тому времени совершенно обессилел.

Поравнявшись с ювелиром, Пастор грубо поинтересовался:

– Эй ты, мокрая кошка, говори, кто выбросил за борт такой дрянной товар?

Однако Абрабанеля не смутила такая цветистая манера выражаться. Он подумал, что раз уж Билли приплыл, то надо брать быка за рога.

– Несчастный путешественник, я оказался за бортом случайно. Но спасшего меня я не оставлю без вознаграждения!

– Ба! Да это старый знакомец! – вскричал Билли, бросая весла и за шкирку втаскивая тяжелющего банкира в лодку. Едва не перевернув посудину, коадьютор плюхнулся на просмоленные доски. С него ручьями бежала вода.

Черный Пастор с интересом оглядел свой улов.

– Эй, чертово отродье, безбожный жид, семя дьявола! Ты, как я погляжу, все еще продолжаешь надувать честных христиан? Или ты забыл, как провел меня год назад с грузом серебра, якобы шедшего с Барбадоса?!

– Помилуйте, господин пират, – простонал Абрабанель, с трудом поднимаясь со дна лодки и еле переводя дыхание, – я всего лишь скромный коммерсант, я сам пал тогда жертвой подлых игр тамошнего губернатора!.. Разве вы не знаете,

господин пират, как бессердечны и бессовестны эти королевские чиновники?! Они только и думают, как обидеть беззащитного купца и отобрать у него с таким трудом заработанные средства!

Не переставая говорить, купец стянул с себя рубаху с портками и, хорошенько отжав, снова натянул на себя.

– Ты мне тут не пой про совесть, старый пес! Ишь! Я догоняю сукина сына Дика, удравшего с сокровищами…

– Ой-ой-ой, господин пират, жизненный опыт подсказывает мне, что на такой посудине вы рискуете и впрямь очень скоро догнать упомянутое вами лицо!.. Однако, боюсь, вас ждет жестокое разочарование! – протараторил купец, устраиваясь на лавке и извлекая из-под нее бочонок с водой.

– Ты еще вздумал издеваться надо мной, жид?! – взревел Пастор, так яростно шлепая веслами по воде, что Абрабанель едва не захлебнулся второй раз за день, но уже жадно глотая пресную воду. – А может, ты думаешь, что я на этой калоше собираюсь гнаться по морю за моим мерзавцем-квартирмейстером?! Я спешу на Тортугу, где меня ждет фрегат с командой…

– Что вы, что вы, – отфыркиваясь, пробормотал Абрабанель, утолив жажду, – вы совершенно превратно поняли меня, любезнейший господин пират! Я всего лишь хотел предостеречь вас, дабы вы не последовали за Диком, или Кроуфордом, или как там зовут этого негодяя по-настоящему… Одним словом – не угодили бы прямиком на тот свет!.. Признаться, я был бы чрезвычайно опечален таким исходом… Абрабанель с наслаждением потянул затекшие руки и ноги.

– Что-о-о?! Что ты там треплешь, разрази меня гром?! Хоть бы дьявол набил свининой твои кишки, предварительно выпустив их из тебя!

– Выбирайте выражения, господин пират, я, хоть и всего лишь скромный торговец, однако старше вас и имею право на более уважительное обращение…

– Иди к черту – там тебе самое место, а не… Погоди, так что, Веселый Дик и впрямь откинул ноги?!

– Полагаю, что так, хотя участь каждого из нас в конечном счете зависит лишь от высшего промысла… – стараясь придать своему голосу печаль, отозвался коадьютор.

– Ты так уверенно говоришь это, собачье рыло, будто своими глазами видел, как Дик отдал душу дьяволу!

– Может быть, все может быть, – многозначительно покачал головой ювелир.

– А где же тогда, черт побери, сокровища?! – от удивления Билли выпустил весла.

– Сокровища? Да вы гребите, гребите, нам еще далеко… Какие сокровища? Ах, сокровища… Ну нет, господин пират, более я не скажу вам ни слова. А скажи я вам сейчас, где сокровища, вы тотчас оставите меня, несчастного старика, снова носиться по воле Фортуны без руля и без ветрил, так сказать…

– Ладно, так и быть, я возьму грех на душу и не выброшу тебя обратно за борт, хоть ты и жрешь мои сухари, старая обезьяна, если ты мне расскажешь, как подох Дик и куда он подевал сокровища!

– Хотя бы позвольте мне глоточек рому – я, признаться, устал и порядком продрог! А в моем возрасте это грозит множеством неприятностей… подагра, знаете ли…

Вместо ответа пастор выругался и протянул купцу свою флягу. Тот, нимало не церемонясь, поспешил осушить добрую половину, ибо и впрямь успел замерзнуть. Хоть они и находились в низких широтах, где температура воды постоянно высока, все же не менее чем четырехчасовое плавание не пошло коадьютору на пользу.

Немного придя в себя и застенчиво икнув, Абрабанель как ни в чем не бывало заговорил светским тоном, словно продолжая прерванную беседу:

– Я и в самом деле могу засвидетельствовать, что наблюдал момент гибели господина Кроуфорда. Ну а вы, любезнейший господин пират, глубоко заблуждаетесь, если и впрямь считаете, что он нашел сокровища…

– Да не тяни ты из меня жилы, старый черт! – рявкнул Билли. – Каждое слово приходится выцарапывать из тебя так, как будто оно отлито из чистого золота!

– Эээ, любезнейший, – перебил его ювелир. – Слова о золоте и впрямь могут быть не дешевле самого золота! Однако если я сейчас выдам вам все тайны, что помешает вам в ту же минуту вышвырнуть меня за борт с той же легкостью, с какой вы только что вытянули меня из воды? Нет, теперь до самого порта я не пророню ни слова. Кроуфорд лишился своих сокровищ и погиб, но это не значит, что его богатства не смогут отыскать другие…

– Говори толком! – вконец обозлился Пастор.

– Ну уж нет, господин пират. Я маленький, слабый, старый человек, вам ничего не стоит расправиться со мной – и никто никогда даже не узнает об этом! Я помолчу до тех пор, пока мы не пристанем к берегу!

– А где гарантия, что ты и в самом деле что-то знаешь? Небось врешь, как всегда?! Однажды ты уже провел меня… – при воспоминании об истории с «Медузой», на борту которой не оказалось обещанного серебра, Черный Пастор бросил на коадьютора такой злобный взгляд, что коадьютор задрожал.

– Согласен, господин пират, гарантий я представить не могу – какие могут быть гарантии у старого, слабого, несчастного человека, по роковой случайности оказавшегося за бортом?.. Но если вы не поверите мне, раскаетесь, что спасли, и вторично выкинете в море или даже убьете меня, как вы сможете узнать, правду ли я сказал вам о гибели Кроуфорда и о том, что до сокровищ он не добрался?

В ответ пират лишь выругался и ударил по воде веслом так, что едва не перевернул лодку. В раздражении он принялся грести с удвоенной силой – только затрещали весла да жалобно заскрипели уключины.

Что до Абрабанеля, то теперь он чувствовал себя более уверенно, чем за последние несколько дней. С того момента, как он и его спутники покинули Эспаньолу, от него, Абрабанеля, не зависело буквально ничего. А сейчас коадьютор, несмотря на ограниченные возможности, все-таки мог вести игру, дудеть в собственную дудку и заставлять единственного собеседника слушаться себя. Такое положение вещей устраивало его гораздо больше, чем необходимость всецело зависеть от непредсказуемого Проведения! Пожалуй,

встань старый банкир перед выбором: ходить по твердой земле, но так, чтобы от него ничего не зависело, или вот так болтаться в открытом море в одном исподнем, диктуя свои условия Черному Билли, вполне вероятно, Абрабанель выбрал бы второе. Уж очень не хотелось ювелиру реализовывать не вполне ясные планы Б-га…

Тем временем наступила ночь. Утомленный коадьютор сладко захрапел на дне лодки. Билл, кряхтя и божась, спустил парус, закрепил весла и последовал его примеру.

Утро, как ему и положено, оказалось мудренее вечера – а главное, радостнее его. Первым проснулся Абрабанель: он озяб на утреннем ветерке. Поднявшись и потягиваясь, коадьютор едва не опрокинул утлое суденышко и этим разбудил Черного Пастора. Билл продрал глаза и обнаружил, что земля совсем недалеко. Совершив это открытие, пират без дальних разговоров приналег на весла. Солнце подходило к зениту, когда они высадились на пустынном берегу, а еще спустя несколько часов Абрабанель обнимал плачущую от радости Элейну в главном порту Тортуги.

Мрачный как туча Черный Билл наблюдал за этими телячьими нежностями со все возрастающим раздражением. Однако даже он оттаял, когда девушка, вдоволь наобнимавшись с отцом, подошла и, пожимая грубые руки пирата и называя его спасителем, привстав на цыпочки, торопливо поцеловала его в косматую бороду. Пастор тотчас отвернулся, чтобы скрыть смущение.

Присутствие Элейны заставило пирата повременить с вытягиванием интересующих его сведений из Абрабанеля. Тот, в свою очередь, воспользовался дочерью как ширмой, чтобы вовсе увильнуть от исполнения обещания, и ни на минуту не отпускал от себя девушку. Мысленно чертыхаясь и проклиная себя за снисходительность, Билл уже готов был, несолоно хлебавши, отправиться на поиски своих людей, весело проводивших время в трактирах. Однако его неожиданно выручила Элейна, пригласив на следующий день отобедать в знак признательности за чудесное спасение ее отца. Поступок пирата тронул сердце девушки, и она, презрев светские условности, настаивала на своей просьбе. Абрабанель, скрывая недовольство, попытался возразить, ссылаясь на свое положение и дурную репутацию морского разбойника. Но тут союзником Элейны неожиданно выступил капитан Ван Дер Фельд, который все это время винил себя в исчезновении коадьютора:

– Милейший… ээ… гмм… господин, – начал он, – я согласно с моей невестой хочу выразить вам свою бесконечную благодарность за спасение ее отца – моего будущего тестя, и если он найдет неудобным принять вас в ближайшее время по причине… эээ… своего не вполне удовлетворительного самочувствия, то я почту за честь сделать это вместо него…

Абрабанель всплеснул руками.

– Йозеф! Давно ли ты водишь дружбу с прощелыгами и авантюристами? Йозеф, может, ты от счастья видеть меня совсем заболел? Йозеф, подумай, зачем тебе это нужно?

– Папенька, – Элейна обратилась к отцу, беря его за руку, – папенька, но мы ведь должны отблагодарить твоего спасителя!

Во взгляде Абрабанеля мелькнуло сомнение, но ему вдруг вспомнилось как Билли неосмотрительно хвастался своим кораблем с командой, – и старый коадьютор решил, что у него есть шанс продать историю о сокровищах подороже. Капитан Ришери и его «Черная молния» были потеряны для коадьютора навсегда, и в голове ювелира возник план склонить к сотрудничеству Черного Билла и воспользоваться его фрегатом в обмен на обещание доли сокровищ. Впрочем, выполнять обещание Абрабанель, конечно же, не собирался. Понимая, что Пастор тоже не дурак, коадьютор решил обойти Билли с флангов.

Обед по случаю чудесного спасения господина Абрабанеля и возвращения экспедиции был дан на следующий день в доме одного из родственников губернатора – там разместились сразу же по прибытии на Тортугу голландцы – и проходил в несколько напряженной обстановке. Это сомнительное с точки зрения состава приглашенных мероприятие сулило новые огорчения и новые радости одновременно. К слову сказать, оплачены вина и закуски были из кармана Ван Дер Фельда – Абрабанель не преминул поймать будущего зятя на слове и на деле показать ему, к чему приводит сумасбродное желание зазывать к себе разных проходимцев.

Когда подали третью перемену блюд, беседа потекла в желательном для Абрабанеля направлении, но ее эмоциональный накал никак не отвечал надеждам старого пройдохи.

Не привыкший к светским беседам Черный Билл сразу же взял быка за рога и задал вопрос о гибели Кроуфорда, что называется, в лоб. Элейна, не подозревающая о том, что таким образом пират проверяет ее отца, со всем возможным простодушием поведала об ужасном прыжке сэра Фрэнсиса и мадам Аделаиды в водопад и их гибели, чем развеяла сомнения Пастора в правдивости мерканта.

Увлекшись, девушка предположила, что причиной этого отчаянного поступка стало тяжкое разочарование, постигшее Кроуфорда, когда все его планы рухнули. Ведь в пещере вместо сокровищ обнаружились лишь изъеденные проказой скелеты. Абрабанель пришел в ярость от слов дочери, несколько раз пытался ее остановить, но безрезультатно. Элейна не замечала ни его гневных взглядов, ни угроз, ни тычков под столом – она вдохновенно, с горящими глазами, рассказывала все новые и новые подробности.

Билли уже намеревался бросить в лицо коадьютору обвинение в обмане, и лишь такт да некоторые будто ненароком оброненные фразы хозяина дома удержали его от этого.

Стараясь не допустить очередного всплеска откровенности у Элейны, Абрабанель перехватил инициативу в разговоре, одновременно следя, чтобы гостю исправно подливали в рюмку. Он принялся расспрашивать Билла о его судне и команде, попутно нахваливая мореходные качества фрегатов вообще и «Мести» в особенности, а также суровую дисциплину, которую Пастор установил среди своих людей после того, «как вышвырнул с должности квартирмейстера этого мерзавца Кроуфорда, которого все мы знаем под именем Веселого Дика».

Черный Билл сперва не давал себя одурачить. Но время шло, вино лилось рекой, пират хмелел… Заметив это, старый коадьютор примолк, давая слово Ван Дер Фельду, а тот в свою очередь затронул животрепещущую тему благочестия, – и Пастор попался на нехитрую удочку! Расписав свой корабль невиданными красками, Билл сел на своего любимого конька, толкуя о преступлении и наказании, о падении нравов и о неблагодарности тех, кто под его началом может из настоящей свиньи превратиться в настоящего человека.

– Должно быть, береговые братья конкурируют между собой, стремясь попасть на «Месть»? – невзначай и слегка заискивающим тоном поинтересовался Ван Дер Фельд.

– Что вы, сударь, – пробурчал в ответ Билли, которого уже порядком развезло, – эти безбожные неверы сами не понимают своего счастья. Большинство из них боятся меня больше, чем адского пламени. Болваны! Всем им без исключения грозит пекло после смерти… Ведь они живут хуже поганых язычников, им мозги набекрень свернули эти церковники… Ну эти, вроде тех, что вместе с нами охотились за сокровищами Веселого Дика!.. А та половина команды, что отправилась со мной на Эспаньолу, будь трижды проклят этот дерьмовый остров!.. Ох, простите, сударыня!.. – сильно захмелевший Билли, подняв голову, встретился взглядом с Элейной и рыгнул.

– Дочь моя, не пора ли тебе покинуть наше общество? Едва ли наши дальнейшие разговоры будут интересны для тебя… – Абрабанель поспешил воспользоваться бестактностью пирата, чтобы заставить девушку уйти из-за стола, тем более что обед подходил к концу.

Элейна, досыта налюбовавшись на простые манеры простого моряка, вежливо улыбнулась гостю напоследок и ускользнула к себе.

После ее ухода язык у пирата окончательно развязался. Схватив Ван Дер Фельда за рукав, Билли поведал ему о злоключениях, постигших его людей на Эспаньоле, а затем, икая, долго и многословно сетовал, что от большого фрегата с половинной командой никакого толку, а болтающиеся на суше безбожники ни за что не желают поступать под руку Черного Пастора.

Ван Дер Фельд, выражая ему сочувствие, одновременно делал знаки прислуге, с тем чтобы они помогли пирату найти выход.

Проснувшись наутро от головной боли, Билл с удивлением обнаружил в кармане своего кафтана документ, подписанный его собственной рукой. Суть документа сводилась к тому, что банкир и коммерсант Давид Малатеста Абрабанель заключил с капитаном фрегата «Месть» почтеннейшим Уильямом П. (на месте подлинной фамилии Билла стояла им же самим накарябанная неразборчивая закорючка) при свидетелях Йозефе Ван Дер Фельде и Жюле-Бертране де Клима, кузене губернатора острова Тортуга, договор о найме оного фрегата для нужд

вышеупомянутого Давида Малатесты Абрабанеля. При этом помянутый Давид Абрабанель обязывался самостоятельно и за свой счет укомплектовать команду фрегата не достающим для обслуживания этого судна числом матросов.

Вопль, вырвавшийся из глотки Черного Билла после того, как он два раза прочел документ, сдул пять жирных голубей с подоконника и так испугал чумазого негритенка, что тот свалился с шаткой лесницы трактира, сломав при этом целых три балясины. Злые языки потом утверждали, что этот вопль также повредил жене трактирщика, вызвав у нее преждевременные роды, и именно поэтому младенец оказался черным, как сапог.

В гневе Билли тотчас разодрал гнусную бумагу. Перехватив на скорую руку глазунью из четырех яиц и запив ее теплым кислым вином, пират бросился к Абрабанелю, чтобы, как выразился Билли, прояснить ситуацию.

Но после шумной процедуры прояснения оказалось, что все гораздо хуже, чем виделось ему сначала. Господин коадьютор не только имел второй экземпляр, подписанный Биллом, но и успел сообщить всем о содержании кабального договора. Если бы не этот факт, старому пирату было бы, конечно же, глубоко наплевать на любые договоры.

Черный Пастор попробовал добиться встречи с губернатором Тортуги, надеясь оказать на того давление и тем самым не только отменить условия злополучного документа, но и вернуть себе утраченное влияние. Но Жак де Пуанси через секретаря сообщил пирату, что отбыл осматривать плантацию сахарного тростника. Губернатор побаивался своего кузена, выступившего свидетелем при подписании договора, ибо задолжал тому кругленькую сумму. Жюль-Бертран де Клима, в сущности, приходился родственником не самому губернатору, а его жене, состояние которой де Пуанси успешно пустил в свое время по ветру, из-за чего и вынужден был переехать в колонии. Присутствие кузена на Тортуге было своего рода гарантом благополучия губернатора, по сути пребывавшего в выгодной и почетной ссылке. Путь в Европу Жаку де Пуанси был заказан, а кое-какие темные делишки и гарем превратили его в послушную марионетку в руках незаметного Жюля де Клима, снабжавшего незадачливого родственничка золотом под проценты.

Бедняге Пастору ничего не оставалось, как принять правила игры, продиктованные Абрабанелем. Поиском матросов для «Мести» занялся Ван Дер Фельд. Справедливости ради стоит сказать, что он жалел Пастора, оказавшегося

в столь двусмысленном положении, и при наборе команды старался с ним советоваться, отлично понимая, что управлять кораблем и управляться с матросами придется все-таки не ему, Ван Дер Фельду, и не Абрабанелю, а Черному Биллу.

Вследствие этого голландец и Пастор довольно много времени проводили в совместных беседах, обсуждая подробности предстоящего предприятия, тонкости снаряжения и набора подходящих матросов. Кроме того, Ван Дер Фельд весьма охотно выслушивал излияния Билла и его богословские сентенции. За годы жизни порядком уставший от бесконечных разговоров о прибылях и убытках, выгодных партиях и торговых операциях, голландец с удивлением обнаружил у грубого и неотесанного пирата живой природный ум, недюжинный ораторский талант и умение интересно, с нетривиальными выводами, рассуждать на отвлеченные темы в сочетании с искренней верой в то, о чем шла речь.

Хотя голландцу отчасти претила грубоватая фамильярность пирата, но единственная страсть флегматичного Ван Дер Фельда как нельзя лучше совпадала с натурой Билла. Они оба до беспамятства любили приключения.

Однажды вечером невольные компаньоны, обсуждая возможные направления поисков, доставили на борт «Мести» очередную партию солонины и сухарей. Поднявшись на борт, они расположились в капитанской каюте и, потягивая вино, предавались воспоминаниям о пережитых опасностях. Менее воздержанный Билли, осушив несколько бутылок, сменил тему и принялся изливать душу собеседнику:

– Будь проклят ваш будущий тесть, дружище, не в обиду вам будет сказано! В самом деле, на кой сдался вам этот мерзавец, эта хитрая лиса и чего ради вы намерены жениться на его дочери? Разве вы не знаете, что все беды на этой земле происходят от баб?! Ха! Да со времен праматери нашей Евы… Черт побери! Посмотрите на меня, дружище, разве не погиб я в одночасье из-за глазок вашей хорошенькой невесты? Дьявол дернул меня принять ее приглашение – впрочем, сначала этот самый дьявол ее надоумил пригласить меня, не правда ли?! Или, может быть, папаша-ростовщик воображает, что, заключив со мною договор, он вместе с кораблем получит меня самого?!

Эта сентенция была внезапно прервана криками на палубе. Ван Дер Фельд вышел посмотреть, в чем дело, и замер от удивления. В порт Тортуги входил

военный линейный корабль под британским флагом. Пушечные порты, окружавшие корабль в три ряда, были открыты, и оттуда торчали черные жерла. Вид громадины был столь внушителен, что все видевшие это зрелище, как по команде, развернулись в его сторону, вытянув шеи, чтобы получше разглядеть этакого красавца.

Стряхнув с себя оцепенение, голландец потребовал подзорную трубу и, направив ее на пристань, с изумлением наблюдал, как туда в клубах пыли подкатила губернаторская коляска. Жак де Пуанси, в сбившемся парике, перепуганный не на шутку, выскочил из нее и согнулся в подобострастном полупоклоне. Он оставался в этой позе весьма долго, а именно до тех пор, пока шлюпка с линкора не достигла причала.

В это же время за прибытием английского военного корабля напряженно наблюдали, затерявшись в толпе зевак, пираты с «Головы Медузы». Судно, порядком потрепанное, они оставили с другой стороны острова, а сами на лодках добрались до единственного порта и столицы острова одновременно.

Размеры корабля, его неторопливость, флаг английского королевского флота – все это свидетельствовало о значительности события в жизни Тортуги.

Разглядев британский флаг, Уильям Харт устало опустился на мешки с маисом, ждущие своей очереди для погрузки на какое-то судно, и уронил голову на руки.

– Только этого нам еще не хватало, – пробормотал он.

– Что вы имеете в виду, сэр? – почтительно поинтересовался молодой пират, стоявший рядом с Хартом, а Потрошитель, жуя табак, ответил со свойственным ему философским отношением к жизни:

– Бросьте, Уильям! Одним кораблем больше, одним меньше… Уж не думаете ли вы, что это по вашу, простите, не слишком дорогую душу снарядили этого красавца? Да и по сравнению с той публикой, которая шатается за нами по всему Мэйну с тех пор, как вы имели несчастье наняться к старому коадьютору, вы кристально честный человек. Вас и на каторгу-то не за что посылать, повесят и все!

– Нечего сказать, утешил, – пробурчал Джон Ивлин, а Харт, мотнув головой, со вздохом процитировал:

– …Крупица зла все доброе проникнет подозреньем и обесславит?[2 - Шекспир. Гамлет. Акт I, сцена 4 (пер. М. Лозинского).]. Вот именно – обесславит.

– Вы заразились у покойного Кроуфорда любовью к пьесам? – фыркнул Ивлин, который при виде линейного корабля Его Величества Вильгельма III тоже почувствовал себя не в своей тарелке.

– У Шекспира на любой случай найдется порядочная цитата. Как находилась у сэра Фрэнсиса. Мне это нравится в них обоих, – Уильям посмотрел на Ивлина, пытаясь держать себя в руках.

– Уильям, мой юный друг, мне кажется, Потрошитель прав. Не слишком ли много чести, чтобы для поимки таких, как вы… ну или я, – добавил он после небольшой, но заметной паузы, – присылать линкор?

– С кучей народу и пушек? – подхватил кто-то из пиратов.

– Невыгодно королевскому флоту, – резюмировал Потрошитель. – Так что они не за вами.

Эти соображения придали Уильяму бодрости.

– В любом случае нужно выяснить, для чего линкор Его Величества появился здесь. Может быть, объявлена война, умер или отрекся кто-нибудь из европейских монархов… ну мало ли что? Должна же быть причина для такого события. Кто из ребят выглядит наиболее прилично и наименее подозрительно для подобной миссии?

– Стив Брэнкли, Боб и Сэм, отправляйтесь-ка на разведку, – тотчас распорядился Потрошитель, не слушая возражений пиратов, которым вовсе не улыбалось вместо таверны и сна шататься по набережной с расспросами.

Прибытие английского линкора нарушило размеренный ритм жизни всей Тортуги. Губернатор и приближенные к нему лица суетились, стараясь угодить

представителям Его Величества короля Вильгельма. Впрочем, это мало волновало британских моряков и военных, которые оставались равнодушны к балам и увеселениям, устраивавшимся в их честь. Капитан судна всем своим видом показывал, что прибыл на Тортугу лишь по необходимости и задерживаться на острове не намерен. При этом все безуспешно пытались угадать, каковы миссия линкора и цель его командующего. Толковали о возможной войне, о смерти короля Франции, последнее время сильно хворавшего, о перемирии с Испанией и даже о захвате острова англичанами. Из-за неизвестности в атмосфере островка копились раздражение и недоумение, которые неминуемо должны были рано или поздно вырваться наружу.

Многие французы, скучавшие после неудачи с поисками сокровищ на Эспаньоле, и капитан Франсуа де Ришери – первым из них, не прочь были бы затеять ссору, встречаясь с англичанами в порту и на улицах. Однако отсутствие сведений о международной обстановке в Старом Свете удерживала их от опрометчивых поступков.

Абрабанель при виде английского военного судна благоразумно сказался больным и почти не выходил из дому, никого не принимая. Заодно он распорядился держать взаперти Элейну – мало ли что? – и принялся внушать бедной девушке, что корабль прибыл на Тортугу для ареста Уильяма Харта, Джона Ивлина и других бывших подданных Его Величества, запятнавших себя пиратством.

Коадьютор припомнил документ, составленный еще в 1668 году сэром Леолайном Дженкинсом, и, то и дело перемежая свои речи цитатами из сего ордонанса, старался повлиять на дочь и заставить ее выбросить Харта из головы.

– Все пираты и морские разбойники находятся, – цитировал он злополучную бумагу, – вне закона у всех народов, то есть не подлежат защите правителей и законов. Каждый должен быть управомочен и вооружен для борьбы с ними как с мятежниками и предателями, для того чтобы подавить и искоренить их!

Но окончательно убедить Элейну, что Уильям обречен, удалось не Абрабанелю, а Черному Биллу. Подготовка «Мести» к плаванию резко замедлилась, в результате чего сильно заскучали и Ван Дер Фельд, и Билли, успевшие, как говорилось выше, найти общий язык на почве обсуждения своих злоключений. Пират отчаянно тосковал, томился без дела на суше, и даже выпивка ему

опостылела. От нечего делать он торчал на кухне абрабанелевского дома и, пощипывая рабынь за округлые места, методично ел и пил все подряд. Скучающая под замком Элейна мечтала хоть как-то скрасить свое одиночество – общество отца и Ван Дер Фельда ей изрядно надоело – и потому рада была даже такой неподходящей компании, как Черный Билл. Она тайком пробиралась на кухню, и пират развлекал ее байками об ужасах морской жизни.

Тревожась за судьбу Уильяма, она воспользовалась случаем, когда пират был в сносном настроении, и обратилась к нему с вопросом.

– Господин Билл, – спросила Элейна, – а правда ли, что английский корабль прибыл, чтобы арестовать Харта и других английских моряков?

– Конечно! – не моргнув глазом подтвердил он с энтузиазмом.

Элейна побледнела.

– А вы знаете, мисс, как в Англии не любят пиратов? – продолжал Билли, прихлебывая любимое коадьюторское вино из оловянной кружки. – Если суд над пиратом происходит в Британии, мисс, то осужденных обычно доставляют в лондонскую тюрьму «док висельников». Это в Уоппинге на берегу Темзы, мисс… Не бывали там, нет? Ну так вот, эта тюряга… – простите, темница, мисс! – зовется еще «пристань казней». Там у линии отлива сооружают деревянную виселицу. Приходит какой-нибудь узколобый капеллан, которому самому надо просить Небо о помиловании, с чванливым видом произносит молитву, потом осужденному пирату дают сказать последнее слово… хотя что там могут сказать эти висельники по большому-то счету, сударыня?! Ну а потом, ясное дело, происходит казнь.

– А казненные быстро умирают, сэр? – спросила Элейна, стараясь не показывать, как ей страшно.

– Да, сударыня, только после этого они еще остаются висеть в назидание прочим. После того как повешенного трижды зальет прилив, тело извлекают из петли, пропитывают смолой, засовывают в железную клетку и выставляют на всеобщее обозрение – например, где-нибудь на берегу в районе с оживленным судоходством, на холме или у входа в порт… Солнце, дождь и мороз постепенно сделают свое дело над бедолагой: плоть года за два-три распадется на части,

чайки повыклюют глаза, решетке останется удерживать одни кости.

Дрожа от волнения, охватившего ее, Элейна прерывающимся голосом спросила:

– Неужели так жестоко поступают со всеми пиратами, не разбираясь, насколько виновен каждый из них?!..

– Нет, сударыня, только с самыми знаменитыми! Король английский – известный скряга, ему жаль для такого дела железа и крюков! Тех пиратов, что попроще, после трех приливов просто снимают и хоронят в безымянной могиле или бросают в море. Это не христианское погребение, мисс, – разбойники его не заслуживают – но все же лучше, чем висеть просмоленным в клетке. Однако все это пустяки, – войдя в раж, продолжал Пастор, – по сравнению с повешением в цепях. Завернут, обвяжут нашего брата здоровенной цепью да и подвесят у причала или у берега бухты над водой. Сперва, конечно, тяжко: холод или жара, опять-таки голод, жажда… А глядишь, через несколько дней уже висит себе, раскачиваясь, и нет ему дела ни до чего бренного в этом мире, а птицы знай себе клюют мертвое тело!..

– Скажите, господин Билл, а… как вы думаете, Уильяму Харту тоже грозит быть повешенным в назидание потомкам, до тех пор пока от него не останется лишь скелет?! – бедная девушка собрала в кулак все свое мужество, чтобы задать этот, столь жестоко мучивший ее, вопрос.

– Харт, Харт… кто это, сударыня? Уж не тот ли молодчик, который командовал по указу вашего батюшки судном с якобы грузом серебра, а потом столкнулся с моим недоброй памяти квартирмейстером? Ну, не беспокойтесь! Уж этот бессовестный молокосос не уйдет от правосудия. После гибели Веселого Дика он занял его место, а это значит, что его непременно вздернут и потом выставят в железной клетке где-нибудь в устье Темзы под Лондоном или в Гэллоу-Пойнте Порт-Рояля, на Ямайке. Будьте уверены, он провисит долго, а его грязная душонка – даром что он мерзкий католик – не найдет успокоения даже и на том свете. Ведь когда куски разлагающегося трупа падают в воду сквозь прутья решетки, их пожирают рыбы, а это обрекает душу на вечные скитания и мучения. Святая правда, мисс!

До глубины души огорченная клеветой в адрес Уильяма, Элейна вскочила со своего места с намерением высказать Черному Биллу все, что она думает о нем,

и выставить его из дому, но силы вдруг покинули ее, и девушка без чувств упала на руки прислуги.

Перспективы, красочно обрисованные Черным Пастором, потрясли Элейну. Она искренне поверила словам отца и старого пирата о том, что Уильяма ждет позорная смерть. После обморока она несколько дней не вставала с постели, то заливаясь слезами, то молча глядя перед собой. Прекрасная голландка перестала разговаривать даже с собственным отцом, не на шутку перепуганным ее болезнью, и целыми днями просиживала в тишине, погрузившись в раздумья.

Абрабанель запретил принимать Черного Билла, предпринял несколько безуспешных попыток пригласить к дочери доктора, упал духом и даже начал подумывать, не вернуться ли ему в Европу, ибо на кону стояла жизнь его дочери.

Мучаясь бессонницей, он взвешивал все за и против, вглядываясь в ночную тьму за окном, словно оттуда к нему могло прийти решение. Однажды ему почудилась подозрительная тень за шторой. Он бросился к окну, но увидел лишь огромную кошку, бесшумно спрыгнувшую с дерева, росшего возле самого дома.

Наутро выяснилось, что не один коадьютор видел эту тварь. Странное животное напугало Элейну, заметил его и Ван Дер Фельд и даже успел разглядеть, пока зверь позволял луне светить себе в спину.

По словам капитана, он был похож на тех диких кошек, которые обитают в Новой Гвиане, в глубине сельвы, и которых местные индейцы зовут онзой. Присутствовавший за завтраком де Клима подтвердил, что в горах действительно иногда встречается животное, напоминающее пуму с чрезмерно длинными ногами и ушами, свирепое и прыткое, как волк. Оно часто режет овец и ворует кур, но охотникам никак не удается его подстрелить.

Конечно, нет ничего удивительного в том, что на островах обитают диковинные звери, однако как эта тварь оказалась на Тортуге?

Пока Абрабанель, Ван Дер Фельд и Жюль?Бертран де Клима гадали над сим вопросом, туземная прислуга, подслушав господские разговоры, с жаром, присущим южным народам, принялась толковать об этом на кухне. И дня не прошло, как по Тортуге разнеслась весть об оборотне, который по ночам убивает каждого, кто его увидит.

По неписаному закону сплетен сия новость вернулась к коадьютору, обретя новые подробности. А после того как еще дважды заметил в своем саду необычное животное, он добился от губернатора, чтобы возле дома выставили охрану. Нечего и говорить о том, что доступ в жилище Абрабанеля был жестко ограничен даже для знакомых.

* * *

Что касается Черного Пастора, то ему ничего не оставалось, как затаиться в портовой гостинице, тем более что ему ничуть не меньше, чем Уильяму Харту, приходилось опасаться чинов английского королевского флота. Ван Дер Фельд – и тот стал избегать пирата после истории с обмороком Элейны. Черному Билли оставалось лишь одно общество – ром. Напиваясь до одури, старый капер начинал с новой силой жалеть о сокровищах, которые, казалось, еще так недавно были почти рядом – только руку протяни. И в один из дней ему, казалось, вновь улыбнулась удача.

Приняв крепко, он вдруг вспомнил, что у Веселого Дика на Тортуге была сожительница-индианка. Эта мысль воодушевила его. Разыскать индианку не составит особого труда. А она все равно что-то должна знать про Веселого Дика и сокровища. Не мог он исчезнуть вот так в никуда – все равно что-то должно было после него остаться. Может, он что-то говорил ей, куда-то брал с собой… Любовницы всегда что-то знают. Пастор сам не очень-то в это и верил, но уж больно надоело ему торчать на берегу, как акулий хвост из задницы.

Чем больше Билли размышлял над этой идеей, тем больше она ему нравилась. Наконец, выражаясь цветисто, он поднял паруса, то есть поднял себя с лавки, на которой спал прямо в одежде, и выбрался с постоялого двора.

Билли не удивился, когда примерно через час поисков ему указали на убогую хижину на самом краю города. Хижина была без дверей, окно пустой глазницей глядело во двор, где за шаткой оградой паслась коза.

В наступающих сумерках она казалась пустой и мертвой, как покинутая могила. Но, судя по уверениям старожилов, именно здесь проводил время Веселый Дик, когда появлялся на Тортуге.

Оглядев убогую хижину, Билли почесал подбородок и пробормотал себе под нос:

– Эта стерва должна быть дома. Дрыхнет, наверное, как корова. Не понимаю, как Веселый Дик с ней вообще разговаривал? Эти индианки ни черта не понимают по-человечески!

Билли в сердцах сплюнул себе под ноги. И тут его настигла еще одна мысль.

– Вот дьявол! – сказал себе Билли. – Как же я буду с ней объясняться?

От этой мысли он окончательно расстроился. К тому же сказывалось легкое нездоровье после беспробудного пьянства.

– Эх, попадись мне этот Веселый Дик в руки…

Что будет, если Дик попадется ему в руки, Билли не уточнял, может быть, потому, что Дик уже не раз попадался ему в руки, но все время каким-то образом ускользал, а может быть, и потому, что теперь Дик был недоступен ни для каких рук, пребывая в мирах, куда как отличных от нашего.

Билли не стал додумывать такую сложную мысль, а, чертыхаясь и божась, высек огонь и зажег предусмотрительно захваченный с собой факел, ибо по опыту знал, какая царит темень в этих вонючих трущобах.

С чадящим факелом он ввалился в лачугу, едва не треснувшись головой о деревянную балку, заменявшую дверной косяк. Трепещущее на сквозняке пламя выхватило из мрака картину, от которой даже привычный ко всему Билли невольно поежился.

Посреди лачуги прямо на земляном полу на коленях стояла женщина. Ее широкоскулое бронзовое лицо, жесткие черные волосы, спадающие на плечи, и застывший взгляд, устремленный прямо на Билли, напугали бы любого. Женщина смотрела ему в глаза так, словно она знала, что именно в эту минуту он войдет к ней и начнет задавать вопросы. Она походила на одно из тех индейских каменных изваяний, которые испанцы выкорчевывали из земли и топили в море, ожившее и оттого еще более пугающее. Только нежить могла так неподвижно, так страшно застыть с открытыми глазами и ждать. Сколько она

ждала? Часы? Сутки? Недели?

Билли опомнился довольно быстро. Он был достаточно примитивен для того, чтобы вдаваться в дальнейшие аналогии, и он не привык бояться индейцев, почитавшихся им за некое подобие рабочего скота. Да и женщин он ценил невысоко, а цветных и подавно не считал за людей. Поэтому, быстро справившись с растерянностью, он рявкнул:

– Черт бы тебя подрал, обезьяна! Что за манера у вас такая – пугать честных христиан! Торчит тут, как статуя! Черт знает, почему эта тварь сидит в темноте!

Поскольку Билли ситал самым достойным собеседником самого себя, то к себе самому он по привычке и обратился. Он не мог понять, почему эта странная женщина оказалась в темноте посреди пустой хижины.

– Наверное, молится! – наконец решил он. – У этих выродков сто богов, и каждому надо помолиться. Вот времени днем и не хватает.

Индианка, как будто не услышав монолога пирата, по-прежнему не сводила с него черных маслянисто сверкающих глаз, от взгляда которых ему становилось все больше не по себе, как если бы на него пристальным взглядом смотрела дикая хищная кошка.

– Что пялишься, тварь? – недовольно буркнул он. – Хочешь сказать, молиться тебе помешали? Успеешь еще помолиться. У нас тут дела поважнее. Ты вот что скажи: ты та самая, что Веселого Дика ублажала? Вот дьявол! Она же ни одного слова не понимает! Ну как это тебе объяснить… Веселый Дик! Любовник твой. Вот обезьяна немая…

– Зачем злишься? – вдруг бесстрастным глубоким голосом произнесла индианка. – Ты пришел искать Веселого Дика? Но его здесь нет, разве ты не знаешь?

– Вот дьявол! Она разговаривает! – еще больше изумился Билли. – Ты слышишь? Она разговаривает на чистом английском языке! Похоже, ее Дик научил. Ну ладно… То, что Дика здесь нет, я и сам вижу – ни к чему мне об этом напоминать. Умную из себя строишь? Все равно не получится. Все вы, краснокожие, обезьяны и безбожники. А ты мне скажи, где этот проклятый Дик

сокровище запрятал? Давай, говори все, что ты знаешь про Веселого Дика!

– Ты и сам про него все знаешь! – с прежним равнодушием проговорила женщина. – Разве ты не шел следом за ним?

Она, не переменив позы, продолжала сидеть неподвижно, как надгробие, чрезвычайно раздражая этим Билли.

– Вот дрянь! – выругался он. – Это что, у них индейский обычай такой – говорить загадками? Я шел следом за ним… Ну шел! Когда это было-то! Меня интересует, жив он или нет?

– Белого не интересует другой белый, – спокойно возразила индианка. – Белого интересует золото, которое спрятано в горах.

– Ловко! – воскликнул Билли, отступая на шаг. – А с тобой, оказывается, нужно держать ухо востро! Ты никак колдунья? Таких, как ты, нужно жечь на кострах! Ну, не бойся! Я пошутил пока… Откуда ты знаешь про золото? Тебе Веселый Дик рассказал?

В ответ женщина поднялась с колен и сделала шаг в сторону пирата. Факел выскочил из его руки и упал на землю, рассыпая искры.

Сквозь пелену дыма он вместо женщины вдруг увидел перед собой животное, напоминающее волка и кошку одновременно. Пастор мотнул головой – существо исчезло, и вместо него посреди хижины снова стояла индианка.

– Что тебе нужно, гнусная язычница? – вскричал Билли, в ужасе отступая назад.

– Ты забыл, что это ты пришел ко мне, – насмешливо ответила ему женщина. – Это ты здесь пришелец, ты на земле моих предков, моего племени, загубленного твоим народом! – она мягким вкрадчивым движением еще на шаг приблизилась к нему. – У тебя тоже не получится. Я наследница царского рода, последняя оставшаяся в живых, обладающая небесным знанием. От предков мне досталось имя На-Чан-Чель. Это великое имя, но мало кто из вас может правильно произнести его… Бледнолицие погубили мой народ, хотя мой народ принял их за богов и оказал им все почести. Но бледнолицие оказались хуже злобных собак.

Они не помнили добра. Их интересовало только золото. Холодный металл был им дороже, чем…

– Но-но! – прикрикнул на нее Билли, на всякий случай отступая еще на шаг. Женщина внушала ему смутный ужас. – Ты не смеешь говорить такие вещи про белого человека! Белый человек перед тобой и в самом деле вроде бога. И насчет золота ты ничего не понимаешь. Только мне некогда учить тебя, дикарку, уму-разуму. Сама разбирайся, раз из царского рода… Одним словом, что ты знаешь про сокровища?

– Про какие сокровища хочет знать пришелец? – индианка рассмеялась, обнажая белоснежные острые зубы. – Может, про те, вместо которых вы нашли скелеты и из-за которых ты бросил пиратское ремесло?

Билли, побагровев от злости, сжал кулаки.

– Или про те, – индианка, не обращая внимания на то, с какой яростью смотрит на нее пират, повела головой, отчего тяжелые серьги в ее необычно удлиненных ушах мелодично звякнули, – про те, которые сторожит мой народ и про которые хитростью проведал один бледнолицый много дождей тому назад?

– Уж не хочешь ли ты сказать, что Веселый Дик подарил тебе карту? – от такой нечаянной удачи Билли вмиг позабыл все свои страхи и обиды.

– Мне не нужна карта, – ответила женщина. – Человек, которого ты зовешь Веселым Диком, правда, много болтал – он доверял мне больше, чем своим бледнолицым братьям. Но даже он не знал, где на самом деле спрятаны сокровища, охраняемые моим народом. Не знал – потому и не нашел их на Эспаньоле. Не знал даже мой брат, а я знаю.

– Какой еще брат? При чем здесь брат? – Черный Билли окончательно запутался.

– Да ты знаешь его! – индианка тихо рассмеялась грудным смехом, но черные глаза ее были пусты. – Бледнолицые отняли его у моей матери младенцем, его воспитали иезуиты – и, если бы он знал, он бы отдал им эти сокровища в обмен на власть в Ордене! Но эту тайну в нашем роду хранят женщины. Это мои сокровища – я последняя. Но одной мне не справиться…

Индианка уже подошла к Билли почти вплотную и теперь медленно обходила его сбоку.

– Мой брат, да пожрут его внутренности койоты, едва не использовал тебя, думая добраться до карты Рэли, да только мозги у него были такие же, как и у тебя, – птичьи!..

К этому моменту Черный Билли окончательно опомнился. Последние слова индианки здорово задели его за живое.

– Выбирай выражения, чертова ведьма!

Он попытался схватить ее за руку, но она скользнула ему за спину, и когда он обернулся, то увидел, что вместо женщины на него смотрит огромная бурая кошка.

Уж на что Билли не любил католиков, но и его рука невольно сложилась для крестного знамения.

– Не дури, пират, тебе меня не одолеть, – хищная пасть злобно оскалилась, обнажая острые клыки. – Я и онза – одно! Но если ты хочешь вернуть себе власть – я помогу. Я расскажу тебе, как найти сокровища, а ты принесешь мне всего лишь одну вещь из них, все остальное – золото, изумруды – будет твое.

В этот момент невыносимо чадящий факел наконец потух и хижина погрузилась во мрак.

В ужасе Билли выскочил наружу и, откашливаясь, тщетно крутил головой, словно стараясь отогнать безумное видение.

Вдруг в хижине зажегся свет. На пороге возникла индианка, держа в руке масляную лампу.

– Ну что, Черный Пастор, мы заключили сделку? – спросила женщина как ни в чем не бывало.

Билли потер подбородок, унял дрожь в руках и поднял голову.

– Если ты не врешь, то я согласен.

– Ты не передумаешь?

– Нет.

– Тогда я сама найду тебя.

Подуспокоившись, Билли наконец разглядел, что одета она была странно: на плечах ее едва держалась шелковая, расшитая варварскими узорами, ткань. Нелепое это одеяние подчеркивало стройность ее фигуры и поистине царственную осанку. Билли даже немного удивился про себя.

«Пыжится и в самом деле как какая-нибудь графиня с континента. Может, правда, из королевского рода? Да нам-то все равно! Мы и со своими королями не чинимся, что же мы на тебя-то будем смотреть? Вот покажешь нам, где золото зарыто, – тут я тебе хоть в ножки поклонюсь. Это же какое бешеное богатство должно там быть!»

– Да как ты найдешь меня? А если я уплыву куда? – Билли постарался, чтобы голос его звучал твердо.

– Ты можешь уплыть от На-Чан-Чель, но от онзы ты никуда не скроешься! – прозвучал холодный голос в его голове.

Когда Билли сморгнул, он понял, что в хижине темно, как в могиле, а вокруг по-прежнему нет ни души. А он стоит возле привязанной козы, и факел дотлевает в его крепко сжатой руке.

Впоследствии Черный Билли так и не смог внятно объяснить самому себе, почему он послушался проклятую ведьму и сделал все в точности так, как она велела ему. Узнав от индейской колдуньи о пути в Новую Гвиану, он отправил Ван Дер Фельду записку, в которой сообщал, что знает местонахождение сокровищ. Пастор также просил голландца доложить обо всем Абрабанелю, чтобы не мешкая отправляться на поиски.

Что касается Ван Дер Фельда, то, отнесясь к сообщению пирата крайне недоверчиво, но повинуясь требованию будущего тестя, он отправился к Биллу, надеясь выманить у него сведения или самое карту. Услышав в ответ, что карты не существует, голландец укрепился в своем мнении, что Пастор решил поводить их с коадьютором за нос. Однако сам Абрабанель сразу и решительно поверил Черному Биллу и с несвойственной ему горячностью распорядился возобновить процесс снаряжения «Мести» для похода к берегам Новой Гвианы.

К тому же ювелир сам явился к Пастору, намереваясь вытребовать у него карту, но натолкнулся на решительное заявление, что как таковой карты просто нет. Тем не менее рассказ о том, как были получены сведения о сокровищах, Абрабанеля убедил. Он даже стал более ласков и подобострастен с Черным Биллом, уговаривая того поскорее выйти в море.

Успевший привыкнуть к самым отвратительным поворотам судьбы, Пастор, на чем свет стоит проклиная мерзавцев, недостойных Божией милости, отправился на борт «Мести», чтобы отдать распоряжение подготовиться к отдаче якорей в ближайшие дни. Билли сообразил, что судьба дарит ему шанс возвратить себе полную власть над кораблем и командой, авторитет и славу грозного пирата. Ведь в открытом море проклятый Абрабанель окажется у него, Билла, в руках! И, приглядывая вполглаза за тем, как Ван Дер Фельд с помощниками из числа пиратов готовит судно к отплытию, Черный Пастор погрузился в мечты о крахе коадьютора.

Глава 3

Служители культа

Тортуга

Отец Франциск не погиб вместе с несчастной «Азалией». Благополучно добравшись до берега на шлюпке, он нашел приют в миссии, и там же его ждал небольшой бот, который и доставил его на испанский галеон, груженный какао. Показав письма капитану, отец Франциск милостиво согласился занять

соседнюю с ним каюту и был благополучно доставлен на Тортугу вместе со своими людьми. Туда же со дня на день должна была подойти бригантина «Барселона», отправленная генералом Антильских островов в помощь своему профосу. В те времена богатство иезуитских миссий превышало даже самые смелые фантазии, и посему потеря брига была хоть и досадной, но все же невеликой жертвой во имя стоящей перед профосом Ордена блистательной цели.

Перед входом в гавань отца Франциска ждало новое разочарование: вечное перемирие, которым жила Тортуга, не позволяло преследовать Уильяма и других пиратов на территории, подконтрольной здешнему губернатору. Даже в гавань пришлось войти как можно тише и дом для своего временного пребывания нанять поскромнее. В придачу ко всему на рейде стоял огромный линкор английского королевского флота, как будто застилавший собой весь горизонт. Его присутствие было не так-то просто объяснить, и, вместо того чтобы как можно скорее заняться насущными делами, профос был вынужден разослать своих шпионов, дабы выяснить, чем вызван визит на Тортугу английского корабля. Вдобавок присутствие на острове самоуверенных англичан создавало дополнительные сложности для иезуитов. Отец Франциск оказался скован в своих действиях.

Тем не менее профос не собирался отказываться от первоначального плана. Сняв квартиру неподалеку от порта, глава иезуитской миссии направил соглядатаев во все концы острова, надеясь выследить Харта: он был совершенно уверен, что флейту просто некуда податься, кроме Тортуги. К тому же дон Фернандо подозревал, что Уильям и его товарищи не станут слишком удаляться от вожделенных берегов Южной Америки. Но вынужденное бездействие претило деятельной натуре профоса и подогревало и без того свойственную ему нетерпеливость.

Один отец Дамиан рад был возможности передохнуть от интриг и предаться духовным упражнениям в благословенной тишине. Пока от него хотя бы временно не требовалось откликаться на нелепого «дона Диего Веласкеса де Сабанеду», носить тяготившее его как монаха пышное светское платье, фехтовать на шпагах и придумывать поэтические экспромты в честь очаровательной златокудрой особы. Молодой иезуит не питал иллюзий относительно своего начальника, а посему, сознавая, что подобное положение вещей долго не продлится, наслаждался каждой минутой, которую удавалось провести наедине с самим собой и своими мыслями.

Его простому духу были глубоко чужды мрачные раздумья и вспышки гнева его патрона и наставника дона Фернандо Диаса, бог весть отчего не пожелавшего перевоплощаться обратно в отца Франциска и продолжавшего на Тортуге носить светское платье. Ранее отец Дамиан не скорбел по поводу того, что карта сокровищ оказалась подложной, и не испытывал мстительных чувств по отношению к ее хозяину, Роджеру Рэли, ушедшему из жизни при столь драматических обстоятельствах. Отец Дамиан тихонько вписал его в свой келейный помянник и аккуратно молился за упокой его души на каждой утренней и вечерней молитве.

Вот и теперь он не разделял пылкого желания профоса захватить в плен молодого англичанина, дружившего с Рэли и, по-видимому, унаследовавшего от него подлинную карту. Посему отец Дамиан, радуясь, что патрон временно предоставил его самому себе, уединился в своих покоях, где и предался чтению Священного Писания и трудов по истории завоевания Америки. Одна только мысль беспокоила его совесть, и, не зная как разрешить сию дилемму, отец Дамиан мучительно искал выход.

Что касается отца Франциска, то он, не привыкший к таким сокрушительным неудачам, чередой преследовавшим экспедицию в последние месяцы, находился в состоянии, которое можно было бы сравнить с чувствами дикого животного, запертого в клетке. Недовольство профоса в полной мере ощущали на себе монахи Ордена и сопровождавшие иезуитов индейцы. Но самым жестоким ударом для дона Фернандо стало письмо, извещавшее его о нелепой гибели караиба Хуана Эстебано. Иезуит-касик был слишком заметной фигурой и представлял величайшую ценность для миссии.

Отец Франциск ни на минуту не поверил в случайность кончины знатного индейца и назначил специальное расследование. Однако дознаватели, отправленные для того на Эспаньолу, не нашли ни малейших подтверждений насильственной смерти Хуана Эстебано. Точнее, они обнаружили непреложный факт, безусловно доказывающий обратное. Чтобы пронзить человеческое тело веткой кампешевого дерева, да еще, простите за кламбур, намертво пригвоздить его к земле, как это случилось с Эстебано, недостаточно было бы совместных усилий даже нескольких человек.

Ни одно человеческое существо не смогло бы нанести подобный удар: роковой сук, с невероятной силой обрушившийся на караиба и пронзивший насквозь его грудь, вошел в землю более чем на фут, прежде чем сломаться напополам.

Эта странная смерть и удивительные обстоятельства, ей сопутствовавшие, мгновенно послужили распространению нелепых слухов и самых диких суеверий, до которых так охочи бывают туземные жители, в том числе и обращенные в христианство.

Индеец, первым обнаруживший тело Хуана Эстебано, сразу же предположил, что касик пал жертвой злого демона. Тем более, что поблизости оказался трупик священной индейской собаки – течичи, а вглубь джунглей уводили характерные следы, обозначавшие путь огромного питона.

Передаваясь из уст в уста, зловещие новости о гибели иезуита-касика обрастали множеством подробностей. К моменту прибытия монахов профоса на Эспаньолу все местные индейцы, а заодно и негры с окрестных плантаций сошлись на том, что только демоны могли так жестоко расправиться с Хуаном Эстебано.

Иезуиты, отправленные отцом Франциском для расследования, тщетно пытались вычленить из горы фантастических басен хоть какие-то рациональные факты.

В результате, как это и бывает с подобными делами, многие из них, вместо того чтобы анализировать события, тоже уверовали в смерть касика от сверхъестественных сил. Особую роль в тех слухах, которые с переполненными ужасом глазами пересказывали местные индейцы, играл гигантский питон из сундучка Хуана Эстебано. По словам аборигенов, личина пятнистого зме?я – самая подходящая для демона. Разумеется, кому, как не касику, пристало водиться с тварью из загробного мира, да только на сей раз дело явно пошло не по правилам!..

Иезуиты низших ступеней из миссии, наслушавшись дикарских небылиц, не смогли ни в чем разобраться и были вынуждены донести отцу Франциску, что караиба убил сам дьявол, вселившийся в удава, – так они переосмыслили языческие домыслы индейцев. В конце концов, прибавили они, это все попущено Богом для Эстебано как вполне справедливая кара за гнушение Светом Христовым и возвращение к страшным кровавым обрядам предков. А за что же еще?!

Выслушав посланцев, профос еще больше помрачнел и затребовал трактат одного из своих предшественников, который, как он знал, изучал индейские верования. Наивный прелат еще в начале века надеялся отыскать в них лазейку,

с помощью которой удалось бы сделать проповедь христианства более понятной язычникам. Отец Франциск не разделял этих прекраснодушных порывов, считая наиболее правильным и эффективным для дикарей обращение в католичество огнем и мечом. Еще будучи молодым человеком, готовящимся к посвящению в сан, он говорил товарищам: «Если мы ненароком убьем в этой войне нашего потенциального сторонника – не беда, ибо тогда мы приобретем надежного ходатая пред Господом, и он будет поддерживать наши дела, благосклонно взирая с Неба и помогая нам молитвами. Но еще больше пользы мы принесем, убивая несогласных. Так мы не только устраняем противников физически, но и даем слабым, колеблющимся и малодушным убеждение, что наша вера могуча не только благодаря мистике и чудесам, но и благодаря прямой силе. Все живущие во тьме невежества и самую грубую силу считают исходящей от Всевышнего. Они будут удостоверены, что Господь помогает нам!»

Труд преподобного Томмазо да Сангры показался отцу Франциску скучным и пресным. Он изобиловал рассуждениями на темы духовного мира, от которого человек отделен завесой в результате грехопадения; о том, что блаженство Адама и Евы в Эдемском саду заключалось прежде всего в том, что они могли непосредственно, без усилий общаться с Богом и ангелами. В раю, писал отец Томмазо, духовный мир был реальным и близким первым людям, а человечество, по замыслу Творца, должно было вместе с Небесным воинством составлять стройный хор, который бы «созерцал единого Главу хора и пел в гармонии с Главой». Обширное продолжение сей цитаты из свт. Григория Нисского отец Франциск пролистнул особенно раздраженно, ибо с семинарских лет питал глубокое отвращение к древним Святым Отцам, предпочитая сочинения более современного ему церковного автора – основателя Ордена[3 - Имеется в виду основатель Ордена иезуитов Игнатий Лойола (1491–1556).].

Более занимательными показались достопочтенному иезуиту собственно мифологические сведения, почерпнутые у язычников. Правда, к подробному перечислению заслуг одного из главных индейских идолов, Пернатого змея, перед родом человеческим, отец Франциск отнесся не более благосклонно, чем к сентенциям из Григория Нисского. Но зато сделал закладку на странице, повествующей о противостоянии ягуара и змея – символов индейских богов Тецкатлипоки и Кетцалькоатля. В качестве главного божества туземцы, писал преподобный Томмазо, почитали, очевидно, человека-ягуара – оборотня, воплощающего могущество и безжалостность сил земли и ночи. Как антипод человеку-ягуару, своего рода надежду на лучшее, индейцы создали в своем воображении сказочный гибрид райской птицы-кецаль и змеи-коатль, символ соединения вековечной мудрости с красотой и светозарностью.

Тецкатлипока, по мнению язычников, как говорилось далее в манускрипте, положил конец эпохе доброго Пернатого змея, творца наук и искусств, изобретателя календаря и земледелия. По легенде, подручные ягуара дали Кетцалькоатлю зеркало, чтобы он посмотрел на свое дряхлеющее тело. Змей глубоко опечалился, чем воспользовались колдуны, предложившие лекарство от старости. Кетцалькоатля напоили опьяняющим напитком и заставили вступить в кровосмесительную связь с родной сестрой, нарушив тем самым все благородные принципы, которые он сам же и прививал людям.

Здесь автор отвлекся на небольшую морализующую проповедь, апеллируя к авторитету апостола Павла[4 - И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство (Еф. 5, 18).], в результате чего отец Франциск вновь со вздохом потер уставшие глаза и, перевернув страницу, продолжил чтение о человеке-ягуаре. Тот якобы требовал приносить в жертву людей, что очень нравилось воинственным туземцам. На этом месте иезуит многозначительно хмыкнул и похвалил себя за несгибаемое решение не допускать сентиментальностей в обращении индейцев ко Христу. По языческим представлениям, обильные возлияния крови на идольских алтарях помогали отдалить конец света. Прочтя это, отец Франциск снова усмехнулся, на сей раз саркастически. Они считали, что боги и люди заключили негласное соглашение о взаимной поддержке: боги дали жизнь людям, люди приносили жертвы богам, подпитывая их энергией, которая представлялась индейцам в виде газа и которую можно добыть из человеческой головы, сердца или печени.

Далее повествование ненадолго возвращалось к Пернатому змею, который, протрезвев, с ужасом осознал все, что натворил пьяным. Последнее предложение вызвало у дона Фернандо смех. Огорченный Кецалькоатль наложил на себя наказание – добровольное изгнание – и на плоту из змей убыл на Юкатан, пообещав, впрочем, вернуться из-за океана в год «Се Акатль», соответствовавший 1519 году. Туземцы, подчеркивал падре Томмазо, никогда не забывали этой легенды и, когда именно в 1519 году в Новом Свете появились испанцы, без раздумий приняли Кортеса за Кетцалькоатля.

Тут клирик-идеалист принимался горько сетовать на жестокость конкистадоров, которые не воспользовались этим благоприятным обстоятельством и не отвратили несчастных язычников от их ужасного, кровожадного нечестия, не утвердили их в христианской любви и кротости с помощью понятного им «доброго идола», Пернатого змея.

Дон Фернандо еще раз раздраженно хмыкнул, пролистнул прекраснодушные советы «будущему миссионеру» и, с трудом продираясь сквозь бесполезные, с его точки зрения, благочестивые рассуждения автора, сближавшего туземных идолов с библейскими чудовищами и греческим Офионом, добрался наконец до интересовавшего его места, касающегося непосредственно гигантских змеев. Последние, по индейским верованиям, подразделялись на чешуйчатых и пернатых, причем и те и другие в равной мере обладали крыльями. Он уже было вздохнул с облегчением, приготовившись прочитать подробности, но тут размышления почтенного да Сангры вновь ушли, казалось, в сторону. Связывая библейского Змея, соблазнившего Адама и Еву, с Левиафаном и апокрифическим Орниасом «Соломонова Завета», а тех, в свою очередь, с крылатыми змеями индейских верований, отец Томмазо писал, что, облекая человека в грубую плоть – «кожаные ризы», – Господь промыслительно закрыл людям доступ в невидимый мир. В этом, по мнению покойного прелата, содержалось заботливое попечение Творца о падшем создании, ведь после прельщения Змеем человеческая воля приобрела греховное направление, расположившись к общению с бесами, а вовсе не с ангелами и Богом, как раньше. Далее, почему-то без перехода, следовали описания индейских поверий о вселении демонов, во-первых, в ягуаров, а во-вторых, в крупных пятнистых змей и о том, как таких питонов используют для отправления языческого культа. Автор сочинения почему-то настойчиво повторял в нескольких местах, что при совершении этих ритуалов индейцы используют черный горный хрусталь – морион – вставленным в перстни либо в виде ошлифованных пластин, либо в качестве зеркала. Сей камень, пояснял отец Томмазо, индейцы считают наилучшей ловушкой для демонов, позволяющей жрецам держать нечистых духов в подчинении. Утверждение дополнялось подробнейшим – со слов какого-то индейца – описанием кровавого обряда. В рассказе фигурировало морионовое зеркало, человеческие и животные жертвоприношения, а также громадный питон, вступавший в схватку с собакой течичи и под воздействием демона, выпущенного на волю из черного камня, обретавший, по словам очевидца, крылья…

Дочитав до этого места, отец Франциск почувствовал, что ирония уступает в его душе место неодолимому раздражению. Он вспомнил, что недавно уже слышал разговоры о морионовом зеркале: этот предмет упоминал Роджер Рэли в беседе со своей любовницей! Почему-то два факта, не имевших, кажется, отношения друг к другу, – наличие черного зеркала у Рэли и гибель Хуана Эстебано, странным образом связанная с питоном, – показались профосу объединенными зловещей таинственной связью. Уж не убил ли Рэли иезуита-касика при помощи питона?

Отец Франциск, он же дон Фернандо, вздрогнул при мысли, что ему в голову лезет подобная чертовщина, достойная скорее суеверной старухи, чем священника. Забегая вперед, стоит отметить, что профос был все же недалек от истины, но не понимал, где именно в трактате преподобного да Сангры ее нужно искать! Дон Фернандо Диас совершенно напрасно прошел мимо символического сближения Змея из Книги Бытия с Левиафаном и индейскими «священными» питонами и не заметил духовного предостережения, скрытно содержавшегося в рукописи; а заодно пренебрег эпизодом, демонстрирующим высокую потенциальную опасность искуситься и впасть в соблазн при посредстве зеркала. После прочтения трактата отец Франциск был одержим мыслью во что бы то ни стало раздобыть морионовое зеркало, принадлежавшее любовнице Рэли. Профос был теперь убежден, что мистический предмет ему необходим так же, как и карта сокровищ!

Неразрывная таинственная связь карты и черного зеркала ослепительной вспышкой вдруг озарила сознание дона Фернандо и заслонила собой все остальные дела. Он уже видел перед собой решение задачи, но в этот момент ему доложили, что за особыми распоряжениями прибыл молодой врач, член Ордена.

* * *

Робер д’Амбулен вошел в покои профоса не без трепета. Нет, вовсе не потому, что испытывал страх перед отцом Франциском или излишнее почтение к нему. Просто после того, как он случайно наткнулся на Эспаньоле на крест с надписью, разрешающей все его вопросы, он каждый свой шаг, каждый самый пустяковый поступок совершал так благоговейно и осторожно, как бы перед лицом Самого Бога.

Первым и наиболее сильным движением его души тогда, в горах, было отчаяние. Оно оказалось так велико, что следом, как бы ниоткуда, пришло и понимание: унывать бессмысленно и бесполезно, нужно действовать. Просто потому, что предаваться отчаянию значит продолжать терпеть ту самую невыносимую муку, которая терзала его, причем без всякого смысла и без всякой перспективы от этой муки избавиться. «Господи, – взмолился тогда д’Амбулен, – неужели Ты оставишь меня, как я Тебя оставил? Неужели для меня никакой надежды больше нет? Накажи меня как угодно, только не этой незримой казнью, которая терзает меня изнутри. Впрочем… что мне остается, как не покориться Твоему

праведному гневу?! Карай, Господи, да свершится Твоя воля!» Выбора-то нет! И когда молодой человек осознал все это и мысленно сжался, готовый принять еще большее страдание как заслуженное, то мгновенно ощутил в себе отклик: надежда есть, если целиком и полностью положиться на волю Божию; а внутренний голос принялся подсказывать ему ответы на вопрос, что делать дальше.

Все это произошло слишком быстро, чтобы можно было хорошенько осмыслить. Так что Роберу пришлось действовать больше по наитию. Именно это позволило не совершить необдуманных поступков и не наломать дров сразу. Порыв отсечь все связи с прошлой жизнью и попытаться скрыться от Ордена д’Амбулен мгновенно охладил в себе, и вовсе не потому, что из-под контроля иезуитов уйти невозможно. Он не боялся, что его все равно отыщут, нет. Просто внутренний голос прошептал ему – и продолжал нашептывать это снова и снова, – что, во-первых, прервать связи и скрыться он всегда успеет и, во-вторых, связь с Орденом сама по себе не может помешать исправлению того, что можно еще было исправить в жизни Робера. Главное – действовать достойно, вдумчиво, тщательно, с духовной внимательностью к себе. Ни на минуту не забывать, что Бог все видит, что Он всегда рядом. Под влиянием все того же голоса д’Амбулен решился вернуться в миссию.

Но ему не удалось осуществить это сразу, потому что, прочитав надпись на старинном каменном кресте, молодой иезуит остаток дня просидел, уставившись в одну точку и глубоко погрузившись в себя. Лишь с наступлением сумерек он вспомнил, что ничего не ел с утра, с удивлением заметил, что неизменный тропический ливень прошел, промочив его одежду до нитки. В темноте д’Амбулен двинулся куда глаза глядят в поисках пищи и топлива для костра, чтобы как-то обсушиться. Тем более что внутренний голос настойчиво подгонял Робера вниз. Однако ходить по горам ночью, особенно после дождя, – занятие неблагоразумное. Не пройдя и полусотни шагов по почти неразличимой тропинке, молодой человек оступился и, всплеснув в воздухе руками, рухнул ничком, с размаху ударившись лбом и ободрав о камни подбородок и ладони. Это произошло так быстро, что Робер даже сообразить не успел, почему вдруг оказался лежащим животом в луже. Если не считать ушиба лицом, приземление показалось довольно мягким. Физическая боль в руках и звон в голове как-то сразу отвлекли на себя внимание от боли душевной, ноющей, будто зуб с дуплом. «Н-да, – подумал Робер, – черт побери, больно! Попросил, называется, скорбь поменьше!.. А где, интересно, в этот момент был мой Ангел Хранитель?..» – продолжал размышлять он, но, привстав и оглядевшись, в ужасе перекрестился. Возле тропинки, в паре футов от лужи, в которую он свалился,

торчал едва заметный в темноте большой иззубренный валун. Если бы д’Амбулен упал не на живот, а навзничь, его висок пришелся бы в точности на острие камня. Убедившись, что Господь желает его, д’Амбуленова, присутствия на сей грешной земле еще в течение какого-то времени, молодой врач, не обращая внимания на головную боль и шум в ушах, встал и хотел продолжать путь. Однако, отойдя от зловещего камня ярда на три, внезапно потерял сознание.

Он очнулся в какой-то хижине. За ее оконцем было темно, слышался шум ливня. Возможно, он провалялся без памяти почти сутки, а то и больше. В дальнем конце помещения при тусклом свете огарка можно было различить человеческую фигуру. Услышав шорох со стороны д’Амбуленова ложа, фигура поднялась со скамьи и приблизилась к нему. Робер разглядел, что это пожилая женщина-туземка. Она приподняла раненому голову и напоила каким-то странно пахнущим отваром, отчего у француза, которого и так подташнивало, все кишки вывернуло наружу. Индианка, казалось, пожала плечами и вернулась на свое место.

Он не знал, как долго спал, но, когда пришел в себя, история повторилась. Индианка, заметив его шевеление, подошла и, прежде чем д’Амбулен успел воспротивиться, напоила его гнусным зельем. Страдая от боли и дурноты, Робер погрузился в тяжелый сон. Так продолжалось несколько дней – иезуит не успевал ни оттолкнуть плошку с вонючей жидкостью, ни сказать что-то своей странной спасительнице. Да и как бы она его поняла? Наконец, придя в себя после сильного приступа рвоты, обессиленный француз даже умудрился найти философское обоснование своему положению. Лежа на вонючей подстилке, он вообразил, что это как нельзя конкретнее воплощает состояние его души. «Пес, возвратившийся на блевотину свою, – вспомнил Робер слова Писания, – да, я пес. Что ж, Господь услышал меня и дал в полной мере ощутить свою греховность через этот смрад… Привыкайте, шевалье д’Амбулен, в аду вонь будет куда как гуще! А эту… эту боль вполне даже можно терпеть. Вот и потерпим. Как там говорил наш падре из коллежа? Терпение – христианская добродетель? Самое время поупражняться в добродетели. Другого-то ничего и не остается». Размышляя в таком духе, он постепенно начал ощущать что-то вроде мстительного, болезненного наслаждения, упиваться досадой и обидой на индианку, Бога и весь белый свет.

Следом пришла еще одна мысль: собственно говоря, женщина, несмотря на избранный ею немилосердный способ лечения, все-таки к нему добра. Ведь она

могла бросить его, представителя белых людей, к которым у ее племени наверняка достаточно претензий, в бессознательном состоянии на дороге, а то и добить. Она же язычница, пострадавшая от европейцев, – сама или ее близкие, ее предки… Даже если принять за аксиому, что обращение индейцев в христианство, предпринятое миссионерами из Старого Света, – безусловное благо, нельзя не признать, что проводилось это обращение зачастую варварскими методами. А это значит, что в лучшем случае внуки новообращенных способны будут в полной мере оценить и осознать всю пользу и благодать, полученные их дедами от европейцев. Ныне же туземцы в массе своей едва ли считают, что должны быть благодарны белым пришельцам.

Сделав сии душеспасительные выводы, Робер вновь уснул, а проснувшись на другое утро, почувствовал себя значительно лучше. Воспользовавшись тем, что индианка куда-то ушла, молодой человек потихоньку покинул ее гостеприимное жилище. Идти ему сначала было трудновато, шатало от слабости и безумно хотелось есть, но вскоре на дороге попалось дерево с очень сладкими и сочными плодами, и после трапезы стало полегче. Вскоре, на свое счастье, д’Амбулен набрел на индейское селение, где ему удалось нормально поужинать и переночевать, а после отдыха – хорошенько расспросить дорогу к морю.

Благополучно добравшись до порта, молодой человек принялся искать возможность отправиться на Кубу, в миссию, но выяснил, что в ближайшее время ни одно судно не снаряжается туда. Проболтавшись несколько дней без пищи и пристанища, поскольку денег на пропитание и квартиру у него не было, д’Амбулен совершенно измучился и впал в уныние. Ему казалось теперь, что Господь совершенно напрасно спас его, не дав разбить голову о камни. Заработать даже на дневное пропитание он не мог, ибо ослабел во время болезни и не успел еще оправиться. Его спасла случайность: шатаясь в порту без дела, он столкнулся с одним из посланцев отца Франциска, занимавшихся расследованием смерти Хуана Эстебано, и узнал от него, что профос выслеживает Харта на Тортуге, а вовсе не отдыхает в миссии в Сантьяго-де-Куба. Услышав имя Уильяма Харта, д’Амбулен почувствовал что?то вроде укола совести. Он считал себя обязанным этому молодому человеку, так простодушно и по-доброму обошедшемуся когда-то с Робером, а затем так легко преданным им в руки противника. Молодой француз подумал, что предупредить Харта и помочь ему избежать лап отца Франциска будет вполне достойным делом, краеугольным камнем в фундамент исправления и добродетельной жизни его, Робера д’Амбулена! Упиваясь этой мыслью, он и отбыл на Тортугу.

Но краткая аудиенция у профоса разочаровала Робера. Вопреки уверению внутреннего голоса, что с беседы с отцом Франциском начнется какой-то совершенно новый этап в его, д’Амбуленовой, жизни, ничего подобного не произошло. Молодой врач не получил ни ожидаемого предложения выследить Уильяма Харта, ни вообще какого-либо конкретного задания. Глава миссии, разговаривая с предателями и вообще с людьми, которых он использовал ad majorem Dei gloriam, брал роль и позу благородного аристократа, а не иезуита. Если бы профос просто унизил д’Амбулена как отец Франциск, Робер стерпел бы это, так как был воспитан в правилах Ордена; но старый иезуит принял молодого с безупречно вежливой, непередаваемо ледяной изысканностью дворянина как дон Фернандо Диас.

Кровь прилила к лицу д’Амбулена, как только он покинул кабинет профоса. Прежняя его решимость стоически переносить унижения, обиды и удары судьбы в надежде исправить свою жизнь и получить прощение от Бога куда-то улетучилась. Молодой человек был самолюбив до крайности, мнителен и обидчив, каковы бывают брошенные дети. При этом в момент переживания самого жгучего и отвратительного унижения он порой ощущал и своего рода извращенное наслаждение. Конечно, в подобных случаях можно говорить только о наслаждении отчаяния, но ведь в чувстве безысходности бывает и самое сильное, самое горькое удовольствие, переходящее даже в блаженство.

Самолюбие д’Амбулена заставляло его считать себя втайне умнее и выше тех, кто окружал его, – несоизмеримо умнее и выше. Он и стыдился этого, и бранил себя внутренне, упрекая в несмирении, и терзался чувством вины за то, что оказался умнее, и призывал на помощь все свое великодушие, хотя вряд ли смог бы утверждать наверняка, великодушный он человек или нет. Но от мыслей о великодушии на сердце Робера делалось только тягостнее, ибо он осознавал всю бесполезность великодушия в его положении, особенно сейчас. Ведь он не мог ни простить своего обидчика, и посему в известном отношении профос был прав, так обращаясь с д’Амбуленом, ни забыть обиду, потому что, будь отец Франциск тысячу раз прав, будь даже Сам Бог тысячу раз прав, указывая д’Амбулену на его жалкое место, – а все-таки жгуче обидно! Но если бы молодой врач даже самым невеликодушным образом пожелал отмстить обидчику, то и этого бы он сделать не смог. И вовсе не во власти и могуществе отца Франциска или Господа Бога дело: просто Робер не решился бы что-нибудь совершить.

О, если бы отец Франциск просто унизил его, д’Амбулена, поиздевался, осыпал оскорблениями! Но профос обращался с визитером так, будто того вообще не

существовало. Как с пустым местом. И этого молодой француз вынести не смог. Ему вдруг остро, до дрожи в коленках, до ломоты в руках захотелось совершить поступок. Все равно какой – он лишь хочет быть замеченным, выведенным из небытия.

– Брат, подойдите сюда, пожалуйста! – вдруг услышал он у себя за спиной приглушенный голос.

Робер вздрогнул и поежился. Давно никто не именовал его «братом», пожалуй, еще со времен коллежа. А еще чтоб таким мягким голосом… Он обернулся и увидел священника, в котором узнал племянника дона Фернандо.

– Вы, кажется, врач, брат… не припомню, простите, вашего имени? – все так же вполголоса продолжал отец Дамиан.

– Робер д’Амбулен. Да, я врач… падре. Мы с вами кажется встречались раньше?

Отец Дамиан густо покраснел и ответил:

– Ну да, но я был, пожалуй, совершенно тогда неузнаваем. Только сейчас это неважно. Значит, я не ошибся, и вы действительно доктор…

– Вам нужна медицинская помощь?

– Не мне. Одной особе… видите ли, она находится здесь… тайно. И я опасаюсь, что дон Фернандо… то есть его высокопреподобие… – пролепетал Дамиан. Видимо, сильно растерявшись, он окончательно перешел на шепот: – Видите ли, он не будет рад, если… а ей… то есть этой особе… необходима, по моему мнению, врачебная помощь и…

Д’Амбулен хмыкнул и, по-своему истолковав смущение стройного, привлекательной наружности прелата, просящего медицинского совета и явно говорившего о женщине, снисходительно бросил:

– Зачем так много слов, падре?..

– Грешный монах Дамиан, к вашим услугам.

– Пока это я к вашим, – почему-то раздражаясь, оборвал его Робер. – Вы напрасно утруждаете себя многословием, отец Дамиан, я все понимаю, и недаром состою врачом при Ордене. Где она, эта особа? Покажите мне ее.

Священник с готовностью подхватил д’Амбулена под руку и повел куда-то в дальнюю комнату. В полутемном углу на убогой кровати действительно лежала женщина. Она металась в жару, спутанные темные волосы рассыпались по подушке. В комнате горело лишь несколько свечей, поэтому лица больной – бледного, осунувшегося, с двумя яркими пятнами лихорадочного румянца на щеках – Робер сперва не мог хорошенько разглядеть. К тому же вопреки его подозрениям дама отнюдь не была похоже ни на беременную, ни тем более на роженицу. Но через несколько мгновений д’Амбулен, внимательно всмотревшись в черты страдалицы, испытал настоящий шок.

– Не может быть!.. – вскричал он, поразившись тому, какой козырь выкладывает перед ним судьба.

Но отец Дамиан, подскочив, зажал ему рот обеими руками и торопливо зашептал:

– Ради Бога, тише! Отец Франциск не должен знать, что я позвал вас сюда. Бедняжка, сколько она натерпелась и как страдает! Она больна уже давно, мечется, бредит, почти не приходя в себя… невозможно смотреть на ее мучения и не быть в силах помочь. Его высокопреподобие запретил приглашать врача из города, а здесь никого нет… Как я сожалею, что не знаю лекарского ремесла! Я так обрадовался, увидев сегодня вас, брат Робер, помогите ей, умоляю!

– А вам-то это зачем, падре Дамиан? – не без ехидства поинтересовался д’Амбулен. Он сам не знал, откуда берутся в нем тот ядовито-снисходительный тон и то мрачное раздражение, с которыми он обращался к священнику. Но молодой прелат не обращал внимания на настроение своего собеседника. Он, как ребенок, радовался тому, что нашел способ осуществить свои чаяния – помочь больной:

– Мне? Низачем. Просто невыносимо глядеть, как она мучается. Я давно оказал бы ей помощь сам, если бы изучал хотя бы основы медицины.

И как д’Амбулен ни искал в словах Дамиана лжи или недоговоренности, пусть даже неосознанной, но не мог ее уловить. Пожав плечами, он принялся осматривать больную.

Глава 4

Тени прошлого

Тортуга

Лукреция пришла в себя ранним утром. Прежде чем открыть глаза, она лежала, ощущая телом колючее пальмовое волокно под холщовыми простынями, влажную от духоты рубаху, обепившую ее тело, и солнечный луч, светивший ей прямо в лицо.

Открывать глаза ей было просто страшно. Лежа с закрытыми глазами, она словно пребывала в блаженном неведении, и все, чем грозил ей этот мир, будто бы и не существовало, прячась от нее за шторами век. Но стоит ей только открыть глаза, как жестокая реальность ворвется в ее жизнь, чтобы кромсать и кроить ее по своим безжалостным меркам. Лукреция помнила про свой прыжок в пропасть, помнила, что тонула и что Фрэнсис тянул ее вверх из вспененной их телами мути, помнила острые камни, на которые упала без сил. Помнила, что бредила, что ее мучали жар и жажда, что какой-то мужчина поил ее из чашки, и все. Она лежала закрыв глаза и боялась их открывать. Смерть была страшна и отвратительна, но жизнь порой оказывалась куда ужасней.

Но так не могло продолжаться вечно. И, набравшись решимости, она села на кровати. Интуиция не подвела ее. Не прошло и пары минут, как брякнул дверной засов и на пороге возникла негритянка в просторном хлопковом платье-рубахе, подвязанном коричневым фартуком из мешковины. Голову ее венчал полосатый тюрбан.

Сверкнув белками глаз, она приблизилась к кровати и на ломаном французском произнесла:

– Что мадам будет угодна?

Лукреция с легкой брезгливостью оглядела чернокожую и вздохнула:

– Сменить ночной горшок, переменить платье и завтрак.

– Хорошо, мадам.

Негритянка поклонилась и вышла. За дверью снова брякнул засов.

Из этой сцены мадам сделала несколько бесценных наблюдений.

Во-первых, она у недругов.

Во-вторых, она в плену.

В-третьих, ею пока дорожат.

Молодая женщина попыталась самостоятельно подняться с кровати. Она ступила на обмазанный глиной пол прямо босиком, но ее ослабевшие ноги дрогнули и она едва не упала.

– Что ж! – Лукреция схватилась за кровать и села. Голова ее кружилась. – По крайней мере, могу сделать вывод, что провалялась я так не менее месяца. Иначе ноги мои так не ослабели бы.

Она провела рукой по волосам. Они были спутанны и грязны, их блеск померк, и на ощупь они больше напоминали солому, чем шелк.

– Теряют больше иногда, – пробормотала она слова великого Лопе Де Веги и усмехнулась: – Значит, я у испанцев.

Только эти варавары не дают женщине вовремя умыться и могут так дурно обращаться с французской шпионкой и английской леди. Она снова усмехнулась.

Негритянка вернулась спустя полчаса и принесла на подносе горький отвар из кофейных зерен и какао, а также миску с кукурузной кашей. Венчал сервировку ананас в окружении бананов.

Отослав негритянку за одеждой, Лукреция принялась за завтрак. Не успела она ополоснуть руки в оловянном тазике, как дверь снова лязгнула и на пороге возник мужчина.

Невольно Лукреция зажмурилась, а когда открыла глаза, то увидела совсем рядом оливковое энергичное лицо дона Фернандо. Он наклонился над ней так низко и так пристально уставился на нее, что в голове у Лукреции мелькнула шальная мысль, не хочет ли этот полумонах-полувоенный овладеть ею. Она инстинктивно вжалась в подушки, но сквозь страх из нее вырвался презрительный смешок. Разве для этого высохшего фанатика существуют женщины?

– Вы сильно изменились, сударыня! – вдруг произнес испанец странно охрипшим голосом. – Кажется, эта роль оказалась для вас слишком тяжелой, верно?

В глазах мужчины мелькнуло нечто, что заставило Лукрецию подобраться и вспомнить о своих чарах. Конечно, это чушь, но, как говаривал один мудрец: «я верю, потому что абсурдно».

– Пожалуй, – прошептала Лукреция, менее всего желая оказаться жертвой насилия. – Вы были слишком жестоки и несправедливы ко мне.

Обычно роль бедной овечки плохо удавалась Лукреции, но полное истощение сил после пережитого придало ее голосу и взгляду несвойственную им слабость.

– Не думайте, что я попадусь на ваши чары, – перебил ее профос. – Вы красивы, нет, вы больше чем красивы, но в вас я вижу только кусок обезумевшей, обуреваемой страстями плоти.

Лукреция мысленно поежилась. Этому ее еще не уподобляли. Она обессиленно прикрыла глаза и постаралась вздохнуть как можно глубже, так чтобы ее грудь под тонкой батистовой рубашкой призывно колыхнулась. «Берегись, святоша, – подумала она, – я тебе отомщу». Острая игла боли пронзила ее сердце при мысли о Фрэнсисе. Она обрела его на мгновение только затем, чтобы потерять

навсегда. Ее пальцы непроизвольно сжались, ощутив на мгновение призрачное прикосновение его руки перед роковым прыжком.

– Проклятый Рэли погиб, будьте уверены, – профос словно читал ее мысли, и ей показалось, что ее муки доставляют ему удовольствие.

Стиснув зубы, она изобразила на лице удивление.

– Вы так боялись его? – она улыбнулась краешками губ.

– Я никого не боюсь, – воскликнул гордый монах и вскочил с края ее постели. Он сделал несколько шагов по убогой комнатушке, заменявшей пленнице тюрьму. – Просто этот негодяй спутал все мои планы.

– Уж не потому ли он негодяй, сеньор, что захотел взять то, что принадлежит ему, а не вам?

– Замолчите. Вы как гадюка…

– Жалю прямо в сердце? – Лукреция рассмеялась своим барахтистым смехом, от которого у мужчин всегда сжималось что-то в груди. – Или у вас нет сердца? Странно, если так. Ведь именно туда вам надлежит спускаться перед каждой исповедью.

– Не смейте… – профос подскочил к ней, сжимая кулаки.

– А то вы меня ударите?

– Я не бью женщин.

– Да вы, сеньор, благородный человек… – Лукреция подалась вперед, и рубашка упала с ее мраморного плеча. Профос отвел взгляд. – Однако это не мешает вам издеваться над беззащитной женщиной, держа ее взаперти и допрашивая.

– Вы не женщина, а французкий шпион.

– Только что вы утверждали обратное!

О-о, в лоне софистики Лукреция чувствовала себя как дома.

– Прекратите! Вы знаете, стоит вам только захотеть…

– И что?

Лукреция вскочила с кровати. Ее безукоризненное, как у статуи, тело просвечивало сквозь тонкую ткань.

Профос отступил назад, прикрыв глаза рукой.

– Немедленно вернитесь в постель!

– А то что? – Лукреция шагнула ему навстречу, отчего ее прекрасная грудь оказалась в непосредственной близости от мужчины.

– Проклятие, я прикажу, чтобы вас одели, и тогда мы продолжим беседу! Профос развернулся и выскочил из комнаты, хлопнув дверью.

Лукреция судорожно вздохнула и рухнула на подушки. Еще парочка таких представлений, и дело сдвинется. Душивший ее ужас перед этим человеком сменялся приступами острой ненависти. В такие моменты ей было все равно, что делать и что говорить, лишь бы добиться своего, вырваться на свободу, подать Ришери весточку, что она жива. Если только… Если только Ришери сам не определил ее сюда, договорившись с чертовым иезуитом.

Лукреция вскочила с кровати и огляделась. Профос позволил, чтобы ей вернули ее заветную шкатулку, разумеется перед этим тщательно обыскав ее.

Она пристроила ее на кровати, расположилась поудобнее на тюфяке, набитом пальмовым волокном, и откинула крышку.

В зеркале отразилось ее лицо.

Проклятие! Слишком бледное, слишком изможденное, с припухшими глазами. Ее единственное оружие должно быть в порядке. Она выдвинула ящичек с притираниями и взором наемника, прицеливающегося к оружию в лавке, окинула хрустальные флаконы, лежавшие в бархатных ложах. «Выбор оружия успокаивает нервы и возбуждает смелость», – подумала она и извлекла первый флакон.

Ее цепкий быстрый ум уже рождал комбинации по спасению, примеривал маски и позы, перебирал уловки и хитрости. Она добьется своего, и тогда…

Страшный спазм сдавил ей грудь, она невольно прижала руку к солнечному сплетению. Что тогда? Сокровища для Кольбера? Служба королю? О, она не сомневалась, что ее выбросят как негодную тряпку, как только она перестанет быть нужна или колесо власти качнется в другую сторону. Что тогда? Роджера больше нет.

Любую цену она готова заплатить, лишь бы все вернуть, все исправить. Любую.

И из глаз ее хлынули слезы. Она зажала рот руками, стараясь не всхлипывать. Рыдания сотрясали ее, она качалась из стороны в сторону, ее черные вьющиеся волосы рассыпались по плечам. Она беззвучно выла, как простая крестьянка на похоронах. Вдруг ей почудилось какое-то движение. Она испуганно обернулась.

Позади нее, в углу между кроватью и небольшим высоким оконцем, стояла женщина. Незнакомка молча смотрела на нее, и в ее холодных изумрудных глазах не было ни жалости, ни сочувствия. Ее черные волосы были взбиты и высоко зачесаны, как во времена королевы Елизаветы, старинное, давно вышедшее из моды черное бархатное платье на испанский манер было заткано серебром. В руках незнакомка держала маленькое черное зеркальце.

– Что вам угодно? – Лукреция отпрянула к стене и вдруг заметила, что прямо сквозь даму она видит и каменную кладку стены, и оконце. Ледяной ужас сжал ее сердце. – Кто вы?

Черная дама неуловимым движением скользнула к Лукреции и положила зеркальце на край кровати. Потом она подняла указательный палец, украшенный изумрудным перестнем, и прижала его к алым губам, покачав головой. Холодный ветерок промчался по комнате, и дама исчезла. Лукреция

вскрикнула и потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, в комнате никого не было. Жаркий воздух лился в забранное решеткой окно. Она была мокрой от пота, ее лихорадило. Менее всего ей хотелось подцепить болотную лихорадку, но мысли ее путались, мучительно хотелось пить. Она оглядела кровать. Что это было? Бред? Видение? Призрак? Мозговая горячка – вот то, что совсем не нужно ей в эти дни.

Но все же, что это было? Конечно, никакого зеркала не было и в помине. То есть зеркало-то было, ее собственное, то, которое ей подарил Роджер. Оно по-прежнему лежало на дне шкатулки среди других безделушек. Как оно туда попало? Кажется, она отдавала его кому-то или дарила… Лукреция не помнила. Ей действительно было нехорошо. Собравшись с силами, она позвонила в колокольчик, милостиво оставленный на стуле возле кровати ее тюремщиком. Послышались шаги, и на пороге возникла негритянка в своем невообразимом тюрбане.

– Что мадам угодна? – коверкая французский, спросила она, приседая в нелепом полуреверансе.

– Мадам угодна пить, – Лукреция не могла удержаться и передразнила служанку. – Принеси воды и помоги мне причесаться.

– Слушаюс, – негритянка снова присела и исчезла.

Звякнул засов в петлях.

Лукреция прислушалась к себе. Ей все еще нездоровилось. Опять заломило в висках, заныли суставы рук и ног. Но она не могла позволить себе слабость. Тело может болеть, но ум должен быть здоров. Никаких мозговых горячек. Простуда, и все.

Лукреция опустила голову на жесткую подушку и прикрыла глаза. Ей надо набраться сил. Она еще не пришла в себя после того прыжка в водопад…

…От прыжка она помнила только руку Роджера, крик, разорвавший грудь, и тугую массу воды, о которую она ударилась. Роджер не хотел отпускать ее, он

тянул ее вверх, к жизни, и сквозь толщу зеленого мрака ее вытолкнуло к солнцу. И все. Больше она не помнила ничего. Только воду, раздирающую легкие, боль и руку Роджера. Его правую руку. И вот она жива. Он вытолкнул ее, спас, но покинул. Он снова оставил ее одну… Слеза сбежала по щеке и утонула в волосах. Он снова оставил ее одну наедине с этим ненавистным миром.

Когда она ненадолго пришла в себя, вокруг были испанцы. Они вытащили ее на берег, привели в чувство, дали одежду. Потом принесли ее вещи. Она все время находилась в полузабытьи – то ли не выдержал даже ее закаленный организм, то ли в питье ей добавляли снотворное. Она смутно вспоминала, как в закрытых носилках ее доставили на корабль, как заперли в каюте. Помнила недолгое плавание и снова берег, снова паланкин, а потом эта тюрьма. Из людей она видела только этого фанатика да глупую негритянку. Сколько продолжался ее плен? Около месяца, не больше. У женщин ведь свой календарь, он не обманет. Лукреция улыбнулась. Если бы она родилась мужчиной, она была бы гораздо счастливей.

Но тогда бы у нее не было ни одного шанса выбраться отсюда. А так… Пусть профос врет себе, ее женское чутье он не обманет. Такая же жадная похотливая свинья, как и остальные. Она видела и блеск в его лицемерно отвернутых глазах, и дрожание рук. Что ж, тело служило ей исправно все эти годы, послужит и еще раз. Тело как орудие мести – другого ни природа, ни люди ей не оставили. И она снова повторила про себя страшную клятву: «Любой ценой я выберусь и отомщу. Я вернусь. Я увижу сына. Я сделаю все, но я не погибну, не сломаюсь, не покорюсь. Я выживу. Я одержу победу».

Звякнули запоры. Ей принесли воду и ужин.

Значит, вскоре заявится профос. Дождавшись, когда негритянка уйдет, Лукреция схватила зеркальце и взглянула в его мутную черноту. Ей надо собраться с силами перед новой схваткой с двуногим зверем, носящим шпагу поверх сутаны.

* * *

Напрасно, изнывая в плену, Лукреция так плохо думала о Ришери. В это время бедняга страдал от тоски и неопределенности. Он безвылазно торчал в своей каюте на «Черной стреле», задумчиво смотря поверх писем и докладов в

распахнутые настежь иллюминаторы. Пальцы его медленно перебирали жемчужины драгоценного ожерелья, зажатого в руке на манер четок. Вот уже которую неделю он пытался сочинить доклад министру Кольберу. Но докладывать не было сил.

Возвращаться во Францию в данном статус-кво означало безоговорочно признать свое поражение. Он не исполнил поручения Кольбера. Он потерял людей и женщину. И последнее гораздо горше первого. К своему ужасу, Ришери понимал, что эта шпионка, эта авантюристка значит для него больше, чем ему хотелось бы. Она затронула в его душе давно умолкнувшие струны, и та мелодия, что родилась из этой игры, доставляла ему наслаждение. Эта мелодия отличалась от пресных песен давно приевшихся особ, титулованных и не очень.

Да – Ришери усмехнулся, – когда-то он слыл покорителем сердец. Его галантные манеры и светский лоск, флер моряка и аристократа крушили женские сердца не хуже, чем его пушки – борта враждебных кораблей. А теперь… Ришери с отвращением потер давно не бритую щеку. К черту этих куриц. Надоели. Все до одной. Все они как луковый суп после трюфелей: от них так и разит похотью и глупостью. Как можно сравнить их с Аделаидой?

Ришери твердо решил для себя звать ее так. Так она была его женщиной, так ее не надо было делить с тем, с другим… О, как много он отдал бы за то, чтобы ее зеленые глаза хоть раз подарили ему такой взгляд, которым она смотрела в тот проклятый день на этого англичанина… Ришери носком сапога отшвырнул книгу, брошенную возле кресла. Томик Мольера отлетел в сторону. Ему никогда не забыть этого взгляда. В нем было все – любовь, страсть, мольба, вера, обещание счастья…

Капитан усмехнулся и прикусил губу. Зато он обладал ею. Ему принадлежало ее тело эти месяцы, ему она отдала последнюю ночь своей жизни. У него столько же прав на нее, как и у этого ублюдка. Даже больше. Он может дать этой женщине все – титул, богатство, место при дворе. Он даст…

Капитан стиснул ожерелье в пальцах. Он уже ничего ей не даст. Как и тот бродяга. Она мертва, и зеленые воды горного озера навсегда поглотили ее. Зеленые, как ее глаза…

Ришери застонал и поднялся с кресла. Проклятие, он же дворянин, он капитан. Он должен довести дело до конца. Он должен… И у него есть цель: он отомстит этой испанской сволочи, этому сумасшедшему фанатику, сломавшему ему, Ришери, жизнь. Он заставит безумного иезуита повыть от бессильной злобы и тоски, как выл ночи напролет он, потомственный дворянин, ведущий свой род с первых Крестовых походов…

Ришери распахнул дверцу и шагнул на залитую солнцем палубу. Солнце немедленно ударило жаром ему в затылок. Вот и прекрасно. Он выследит испанскую сволочь, а там посмотрим…

Глава 5

Но все проходит – горечь остается

Эспаньола – Тортуга

Когда Кроуфорд открыл глаза, вокруг была ночь. Все-таки он крепко приложился головой во время падения, и, как он выбрался, известно только дьяволу или Господу Богу.

Он помнил, как они прыгнули, держась за руки, в ушах его до сих пор звучал крик Лукреции. Он помнил, как, оглушенный, он из последних сил тащил ее наверх, помнил, как положил на камни, а потом поскользнулся и упал…

Когда он открыл глаза, вокруг царил мрак, слабо подсвеченный мерцающими водами озера и отражающимися в них крупными, как бриллианты, звездами.

Его бил озноб, мокрая одежда облепила тело, и, клацая зубами, он попытался забраться на камни подальше от воды. Судя по всему, его просто прибило течением к берегу и, на счастье, он не нахлебался воды. Он дотронулся до головы. Так и есть. Рваная рана, покрытая коркой из подсыхающей крови и слипшихся волос.

О том, чтобы куда-то двигаться и что-то делать в темноте, и речи быть не могло, поэтому он свернулся на жестких камнях в комок, чтобы хоть как-то сохранить тепло. На удивление, он мог дышать. Резкая боль в груди утихла, и кашель на время отступил. Кроуфорд закрыл глаза и, трясясь от холода, предался невеселым размышлениям.

Рассвет он встретил с радостью, поскольку появился шанс просохнуть под палящими лучами солнца. Серая дымка рассеялась, истошно заорали птицы, и лес наполнился дневными звуками.

Кроуфорд разделся и разложил одежду на камнях, напился прямо из озера, с ужасом думая о возможных последствиях. Надо бы и поесть, но для этого необходимы были силы. Кроуфорд решил отложить мысли о еде на потом и осмотрелся.

Он находился в небольшой природной бухточке с отмелью, куда его и прибило вчера. Сразу за камнями плотной стеной возвышался лес, откуда?то сбоку доносился приглушенный рев водопада, а прямо перед ним, на другом берегу, начинались отвесные скалы, откуда он, собственно, вчера и совершил отчаянный прыжок. Присмотревшись, он обнаружил прямо у себя за спиной тесный проход между камнями, напоминающий природой проложенную тропинку. Недолго думая он натянул влажную одежду и решил двинуться обратно наверх, ибо джунгли таили для безоружного белого человека неизмеримое количество опасностей.

Тропа вилась между камнями, круто забирая вверх, и, с трудом пройдя около ста ярдов, Кроуфорд прислонился к обломку скалы, чтобы отдышаться.

Прямо над ним, еще ярдах в пятидесяти, зияла пещера, куда можно было пролезть, согнувшись.

Кроуфорд подумал, что поскольку двигаться надо в любом случае, то движение вперед в его обстоятельствах ничуть не хуже, чем движение назад. Он протиснулся между обросшими мхом камнями и оказался в полумраке пещеры. Беглого взгляда было достаточно, чтобы убедиться: здесь были люди. Стены несли на себе следы грубой обработки, сверху, через искусственные шурфы, пробивался слабый дневной свет. На свой страх и риск он решил пробираться дальше.

Под ногами хрустели песок и ракушки, и с каждым шагом становилось заметно, что уровень земли постепенно повышается. Вскоре в полумраке показались грубо вытесанные ступени, круто забирающие вверх, как лестница церковной колокольни. Кроуфорд остановился и задрал голову. Ступеньки терялись в темноте. Вдруг, повинуясь неведомой силе, он обернулся. Справа на каменной стене были процарапаны какие-то буквы. Кроуфорд провел по ним ладонью, счищая забившую их пыль.

«У. Р.»

Кроуфорд расхохотался, но смех его перешел в хриплый кашель.

Он долго кашлял, сплевывая кровь на белый песок. Отдышался и, неуверенно осенив себя крестным знамением, поставил ногу на первую ступеньку.

Когда перед его глазами снова забрезжил свет, от бесконечного подьема по спирали кровь бешено стучала у него в висках, во рту пересохло, а сердце глухо бухало в груди. Он прислонился к сухой бугристой стене и прикрыл глаза.

Безумная идея осенила его во время подъема, и теперь он тщетно пытался сдержать нервную дрожь, сотрясавшую его тело. Он сцепил руки и прижал их к груди.

Какая жестокая шутка, жестокая шутка мертвого капитана. Если он угадал, то его дед был циничный человек.

О Эльдарадо – город золотой,

Сияние твое не омрачить судьбой.

К тебе с надеждой мы стремимся роковой,

Ее убить не в силах убеждений рой…

Кажется, так писал он на страницах дневника? Кроуфорд уже не помнил точно, но смысл, смысл въелся в его сознание, отравив каждый миг его жизни

безумными грезами о волшебной стране счастья. Ведь не о золоте писал капитан Рэли, отнюдь не о золоте. И глупцы те, кто думал, что всесильный фаворит королевы, чья пуговица на камзоле стоила годового пропитания целой деревни, мечтал о богатстве! Так могли думать только нищие и алчные тупицы. Аристократ не может грезить о пропитании и доходах. Рыцарь не мечтает о золоте.

Слава, приключения и подвиг – вот хлеб рыцарей, ставший горьким для их потомков.

Фрэнсис открыл глаза и утер пот со лба. Еще несколько шагов – и он узнает, насколько хорошо он понял своего деда. Боже! Ведь все это время несметные сокровища были буквально у них под ногами…

Собравшись с духом, он преодолел последние две ступеньки и замер на пороге огромной природной пещеры, заключенной в толще скал. Судя по всему, ее обнаружили много столетий назад, очистили, пробили воздуховоды. Сквозь искусно сделанные отверстия в нее проникал скудный свет, в котором были неясно видны очертания сводов. Прямо у входа Кроуфорд обнаружил останки деревянного сундука. Он бросился к нему. Мелкий песок покрывал рассохшиеся доски. Он выдернул несколько из них, они легко поддались. Под ними обнаружилась великолепного литья серебряная фляга, несколько высохших смоляных факелов, кожаный растрескавшийся мешочек с огнивом и кресалом, нож с костяной рукояткой и какое-то тряпье, по-видимому много лет назад служившее кому-то сорочкой. Кроуфорд поблагодарил своего Ангела Хранителя за столь чудесные дары и прихватил с собой бесценные находки.

Выпрямившись, он снова огляделся. Теперь это был прежний Веселый Дик. В глазах его снова вспыхнули азартные огоньки, мышцы подобрались, а простой нож в руке превратился в грозное оружие. Аристократ, полный рефлексии, исчез, и на пороге пещеры стоял опасный хладнокровный пират.

Сердце его сладко замирало, будто он падал с огромной скалы в бездонную пропасть. Такое ему приходилось чувствовать во сне. И сейчас у Кроуфорда возникло ощущение, будто он видит сон наяву.

Он был в двух шагах от легендарных сокровищ, о которых мечтали тысячи людей, но даже не знали, как приблизиться к этим сокровищам. Он потратил

столько лет и сил, прежде чем добиться своего, столько раз впадал в отчаяние и оказывался на грани жизни и смерти, что едва ли сам уже верил в их существование. Но теперь прежний огонь вновь вспыхнул в его душе. Кроуфорд был почти равнодушен к богатству, как всякий человек, с детства не испытывавший ни в чем недостатка, – его увлекали вещи экзотические и странные, порой выходящие за рамки привычных представлений, только они могли по-настоящему всколыхнуть его пресыщенную натуру – но к такому сокровищу даже он не мог оставаться безразличным. Ведь обладание сокровищами, принадлежавшими некогда всесильным индейским жрецам, а затем бесстрашным рыцарям Кортеса, сулило, по слухам, власть над миром. Ради такой власти можно было на многое пойти и от многого отказаться. Но только не от осторожности.

Веселый Дик еще раз окинул внимательным взором пространство пещеры и разглядел новый проход, ведущий, по всей видимости, в другое помещение.

Он не спешил. Он не хотел упокоиться навеки в этом каменном склепе, хотя, наверное, это было бы лестно – быть похороненным в столь богатой гробнице, да еще под присмотром древних кровожадных духов. Но Кроуфорду хотелось жить долго, чтобы успеть насладиться всеми земными плодами, которые может позволить себе баснословно богатый человек. Кроуфорд уже ощущал себя богачом, хотя еще даже не прикоснулся к золоту. Но он чувствовал его присутствие, его запах, который не мог перебить даже явственный запах смерти, витавший под низкими сводами пещеры.

Кроуфорд поднял найденный факел и, опустившись на колено, попытался высечь над ним огонь. После десяти минут неудачных попыток и проклятий при помощи найденной ветоши ему удалось затеплить небольшой огонек. На его счастье, воздух в пещере оказался сухой, и вскоре, шипя и потрескивая, факел занялся огнем. Подняв его над головой, он внимательно осмотрел место, где находился. Пещера проникала в глубину скалы примерно на десять ярдов, постоянно сужаясь, так что в самом конце ее человеку пришлось бы передвигаться на корточках. Каменный коридор казался пустым. Легкое разочарование шевельнулось в душе Кроуфорда. У него даже мелькнула мысль, что кто-то уже успел побывать здесь до него, оставив взамен сокровищ старый матросский сундук с рухлядью. Но он тут же отбросил эту ренегатскую мысль. Нет, сокровище на месте – просто его нужно найти.

С горящим факелом в руках Кроуфорд медленно двинулся вперед, останавливаясь на каждом шаге и прислушиваясь к каждому шороху. Он продвигался по сужающемуся проходу, сгибаясь, точно покорный слуга перед всесильным господином, пока наконец не оказался в таком положении, что едва мог повернуться.

– Как этот дьявол перетаскивал сюда сокровища? – озабоченно пробормотал он себе под нос, усаживаясь на каменный пол, чтобы немного передохнуть. – Кажется, дед был человеком более чем настойчивым и умел убеждать людей. Поднимать сюда тяжести и волочь их по этому коридору без преувеличения каторжный труд. Интересно, что за награду получили те, кто им занимался? Боюсь, что, кроме вечного успокоения, Уолтер Рэли не мог им ничего предложить…

По какому-то наитию Кроуфорд стащил с себя камзол и, зажав его под мышкой, пополз дальше. И тут он увидел, что в конце коридор раздваивается. Два черных провала уходили направо и налево. Пламя факела затрещало и заметалось, будто пойманная птица, и Кроуфорд попытался прикрыть его рукой. Откуда-то из темноты тянуло сквозняком – значит, рядом или имелась более просторная пещера, или существовал проход, ведущий наружу. Кроуфорду ничего не оставалось: если он хотел выяснить что-нибудь насчет сокровищ, ему нужно было рисковать.

– Направо или налево? – хмыкнул он, поводя над головой свечой. – Задача древняя как мир. Буриданов осел испустил дух перед двумя кучами сена. Чего-то подобного черти ждут, наверное, и от меня. Но я не буду долго гадать. Я всегда не прав, и идти направо слишком большая дерзость с моей стороны перед Провидением. Пойду левым галсом. Но вначале на разведку пойдет, например, вот этот камушек…

По наитию он швырнул камень в черноту – туда, где каменный коридор сворачивал налево. Послышался сухой стук упавшего камня, но потом вдруг раздались совсем другие звуки, от которых у Кроуфорда кровь застыла в жилах. С адским грохотом на землю упала тяжелая каменная плита. Факел в руках Кроуфорда зашипел и потух.

Несколько секунд он сидел скрючившись в тесном проходе, в полной темноте и, кажется, даже боялся дышать. Перед его мысленным взором мелькнула картина – что сталось бы с его бренной плотью, если бы он сунулся вперед очертя голову.

Его бы просто расплющило как орех. Он бы и пикнуть не успел. Спасибо, что догадался бросить в дыру камушек. Похоже, его придавило доброй сотней фунтов породы.

Кроуфорд вытер пот со лба и попытался запалить факел. Дрожащий огонек робко осветил угрюмые каменные своды, казавшиеся входом в преисподнюю. У Кроуфорда не было сомнений, что в этой преисподней лежит то, за чем он охотился долгие годы, иначе зачем Уолтеру Рэли нужно было громоздить здесь такие коварные ловушки? Да и Уолтер Рэли ли их громоздил? У него на это не было времени. Скорее всего, он нашел все это и оставил как было, потому что не смог или не захотел унести с собой. Оставил вместе с прокаженными – лучших сторожей от белых негодяев и не придумаешь. Как бы там ни было, он должен увидеть своими глазами хотя бы одну золотую безделушку, хотя бы один драгоценный камень. А еще лучше заполучить его в свои руки. Высоким покровителям нужны доказательства. Без гарантий они и пальцем не пошевельнут. И ему без них не обойтись. В этих краях невозможно подобрать такую команду, которая бы работала не за страх, а за совесть и была бы способна преодолеть искушение. Здесь таких людей нет. Потому глуп Черный Билли, который намеревался завладеть сокровищами с бандой отъявленных головорезов. Эта публика непременно перегрызлась бы между собой и обязательно разнесла бы весть о сокровищах по всему острову. Нет, здесь нужны преданные и проверенные слуги. К сожалению, он давно утратил свои прежние связи и возможности. Его старый дом в далекой Англии, должно быть, пришел в запустение, а немногие слуги, которые до сих пор хранят верность родному очагу, уверены, что их хозяин давно сгинул в чужой земле. После смерти Лукреции только один человек на родине помнит про Фрэнсиса Кроуфорда, прекрасно знает его истинное имя – Роджер Рэли – и ждет его с нетерпением, но отнюдь не с пустыми руками. И это обстоятельство совсем не делает его в глазах Кроуфорда привлекательнее, скорее наоборот. Но только этот человек может помочь Кроуфорду, потому что его возможности почти безграничны. Но если он доберется до сокровищ конкистадоров, то эти возможности станут просто безграничными, и трудно предвидеть, чем такое могущество обернется для самого Кроуфорда. Ему нужно быть предельно осторожным и предусмотрительным, чтобы не разделить судьбу своего деда. Кстати, найдя чудесный клад, Уолтер Рэли не обрел желаемого могущества – об этом стоило задуматься. Почему он ничего не привез в Аглию? Или решил, что и так сполна заплатил таинственной силе за то, что потревожил ее? Любимый сын – немалая цена. Почему, почему, чтобы обрести сокровище, мы должны пожертвовать самым дорогим, что у нас есть? Он, внук своего деда, оставил здесь любимую женщину…

Или легенды о мистической силе, заключенной в таинственных предметах древних жрецов, не более чем пустые сплетни? Довольно обидно, если бы так оно и было на самом деле. Столько надежд возлагал Кроуфорд на тайные знания жрецов майя, и разочароваться в них теперь стало бы для него настоящим ударом. Сокровища потеряли бы для него ровно половину своего очарования.

Факел в руках Кроуфорда опять погас. Пока он размышлял, зажигать его снова или попросту тихо вернуться к выходу из пещеры, темнота вокруг него как будто просветлела.

До сих пор в этом склепе было темно и неуютно, и странный свет, будто сочившийся прямо из каменных стен, немало удивил Кроуфорда. Он с недоумением повел головой, и вдруг по спине его пробежал ощутимый холодок.

Вместо узкого прохода, разделяющегося надвое, он неожиданно увидел огромный, погруженный в золотистый туман зал, выложенный черными каменными плитами. И плиты эти были покрыты симметричными прихотливыми узорами – Кроуфорд видел здесь и диковинных четырехкрылых птиц с кривыми клювами, и хищно изогнувшихся пернатых змей, и квадратные фигуры неизвестных богов с квадратными лицами. «Индейцы не знали сферы и колеса,» – механически подумал Кроуфорд. Ни единого окна, ни единого отверстия в мощных, будто отполированных стенах не было. Что-то извивалось на отвесной каменной громаде. Кроуфорд пригляделся и увидел прихотливо изгибающуюся золотую жилу. Всего на несколько метров она показалась из породы и, скользнув, подобно змее, между камнями, снова исчезала в стене. Мужчина прищелкнул языком.

Огромное помещение в толще горы освещалось многочисленными причудливыми светильниками, напоминающими хрустальные пирамиды, каждая в два человеческих роста высотой. Эти светильники, подчиненные неведомому порядку, источали тот самый золотистый туман, который постепенно наполнил все пространство вокруг.

Кроуфорд несколько раз ошеломленно тряхнул головой и потер глаза. Он не знал, что и думать. Грубая и тесная пещера будто исчезла. Геометрически точные линии грандиозного квадратного зала, залитого тихим сиянием удивительных светильников, рождали в душе ощущение небывалой гармонии. Кроуфорду показалось, что он сам как будто наполняется сиянием, наливаясь

неведомой силой.

Вдруг из-за грубо отесанного кубической формы черного камня, стоявшего в глубине таинственной залы, выплыли клубы тумана и, постепенно сгущаясь, приобрели очертания человеческой фигуры. С замирающим сердцем Кроуфорд наблюдал за ней и вскоре понял, что фигура эта – женская.

Женщина медленно приближалась, и в один прекрасный момент Кроуфорд едва удержался, чтобы не вскрикнуть. Он узнал ее. Это была На-Чан-Чель, индианка, его молчаливая любовница. Та, которая подарила ему магическую индейскую собаку течичи, которая, по ее словам, должна сопровождать своего хозяина в царство мертвых, когда придет его черед покинуть этот мир. Кроуфорд был крепко привязан к этой собаке и любил порассуждать о ее сакральном предназначении, не позволяя собеседнику ни на минуту усомниться в том, что это предназначение является для него абсолютной истиной. Собака погибла, спасая ему жизнь, и он не единожды задумывался о том, что и в самом деле придавал своему «проводнику» более серьезное значение, чем обычной собаке.

Про пса он вспомнил сейчас не только потому, что увидел плывущий через призрачный зал силуэт женщины. На руках индианка держала лохматую собачонку, в которой Кроуфорд без колебаний узнал своего мертвого Харона. Однако течичи вовсе не спешил к своему хозяину. Харон неподвижно сидел на руках индианки, словно она держала в руках мертвое изваяние.

Взгляд женщины был так же мертв и неподвижен. Она словно смотрела и не узнавала его. Впрочем, сейчас Фрэнсису вовсе даже не хотелось быть узнанным, как не хотелось и выступить в ипостаси ее любовника. Та женщина, которая стояла напротив него, никоим образом не могла быть любовницей Веселого Дика. Облаченная в диковинные одежды, богато расшитые непонятным узором, украшенная широкими золотыми браслетами самой искусной работы, эта женщина горделивой осанкой и властным взглядом заставляла думать о своем царственном происхождении. У Кроуфорда по спине побежали мурашки. Он никогда не предполагал, что ему доведется увидеть На-Чан-Чель в таком величественном виде.

Подняв одну руку и указывая прямо на Кроуфорда, женщина вдруг произнесла несколько отрывистых щебечущих фраз на незнакомом языке. Голос ее звучал жестко и повелительно. Кроуфорд ничего не понял, но властный жест, которым сопровождалось требование, был красноречивее любых слов. Для того чтобы

выполнить его, Кроуфорду нужно было встать и сделать примерно десяток шагов по направлению к центру зала. Эта необходимость порождала странное ощущение – ведь Кроуфорд отлично знал, что никакого зала перед ним быть не может, как не может быть рядом и индианки, пребывающей на Тортуге, а заодно и несчастного его любимца, кости которого наверняка давно обглодали хищные звери, и все, что он сейчас видит, – это всего лишь плод его воображения, чудовищная иллюзия, морок, который наводят на него злые силы, стерегущие клад. А поскольку это наверняка так и было, то отзываться на призрачный зов ему не следовало ни при каких обстоятельствах. Сколько угодно опасностей могли подстерегать его в этом проклятом месте.

Так подсказывал разум. Но глаза видели совсем другое. И уши слышали настойчивый повелительный зов, на который было невозможно не откликнуться. Кроуфорд с ужасом в душе почувствовал, что ноги сами собой понесли его туда, откуда доносился властный зов смерти.

Потом, вспоминая эти безумные минуты, Кроуфорд с удивлением осознал, что удержала его от рокового шага гордыня, а вовсе не разум. Разум поддался очарованию правдоподобия, которое исходило от видения. Но он не мог стерпеть, чтобы им командовала индианка. Задетое самолюбие спасло ему жизнь. Впрочем, удивлялся Кроуфорд недолго: припомнив еще кое-какие случаи из своей бурной жизни, он пришел к выводу, что человек, склонный противоречить и ниспровергающий авторитеты, всегда имеет кое-какие преимущества. Это все равно что выхватить первым шпагу из ножен. Или первым удрать от неминуемой опасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Капитан Ивлин цитирует книгу Уолтера Рэли «Описание Гвианской империи».

2

Шекспир. Гамлет. Акт I, сцена 4 (пер. М. Лозинского).

3

Имеется в виду основатель Ордена иезуитов Игнатий Лойола (1491–1556).

4

И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство (Еф. 5, 18).

Купить: https://tellnovel.com/marvel_piter/hrustal-naya-udacha

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити